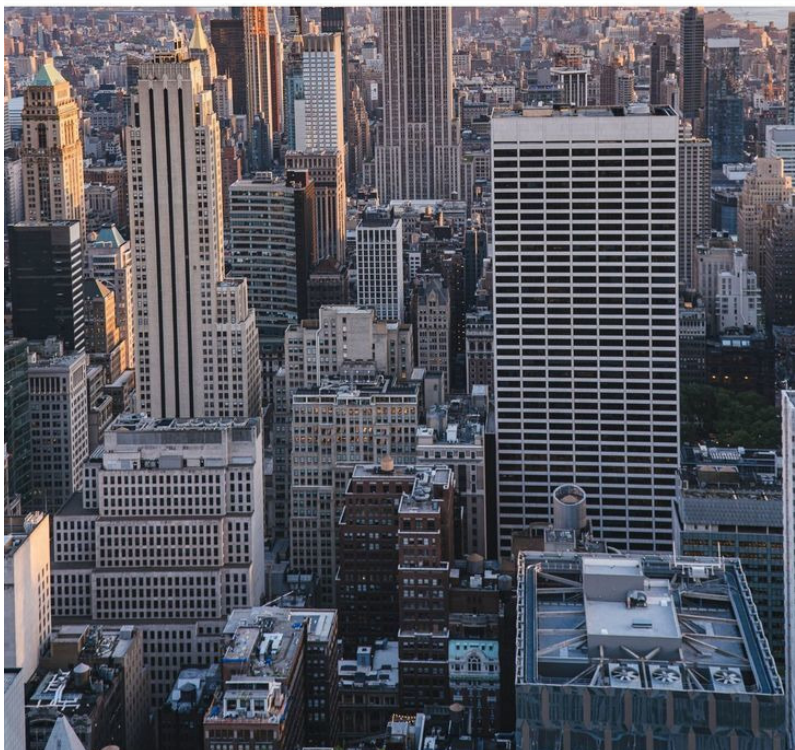

18+

АЛЕКСАНДР
СТАНИСЛАВОВИЧ СИХ

День К. Сказки для взрослых

Александр Станиславович Сих

День К. Сказки для взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43313203

ISBN 9785005014184

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В сборник включены как старые, ранее публиковавшиеся, так и новые произведения автора, с реально сказочными или, скорее, со сказочно реальными сюжетами. Сказки, они и есть сказки. Даже если не совсем сказки. Даже если совсем не сказки. В общем, решать читателю, что сказка, а что нет. Где улыбнуться, а где задуматься и поразмышлять. А что для взрослых, так это лишь для того, чтобы уберечь не созревшие умы от чрезмерных умственных перегрузок. И только! Поэтому читать приглашаются все!

Содержание

День К	5
Глава 1	5
Глава 2	16
День К. Новая шутка незнакомца	46
Глава 1	46
Глава 2	65
Глава 3	87
День К. Визит по приглашению	95
Глава 1	95
Глава 2	100
Глава 3	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

**День К. Сказки
для взрослых
Александр
Станиславович Сих**

© Александр Станиславович Сих, 2020

ISBN 978-5-0050-1418-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День К

Глава 1

Сегодня Первое апреля. Да, да, именно так – с большой буквы «П». Большой праздник. Годовщина! Нет. Ну что вы! Ну какой день смеха для дурака?! Это старый праздник, который празднуют, без отрыва от производства, давно. Так давно, что истоков его уже не помнит ни один дурак. А тут ясно и чётко написано – годовщина. Первый год празднуют. Потому что год назад было не до веселья. Не скажу, что всем, но очень многим. Даже не то что не до веселья, а дело, прямо скажем, доходило до драм и трагедий.

Но то год назад, а сегодня празднуют все, даже те, кому совсем не радостно. Очень многих терзает ностальгия по былым временам, гложет душу, покусывая её и пощипывая. Но вида они не подают, и свою грусть-печаль искусно прячут за напускным весельем, прилюдно переплёвывая эйфорией радости людей искренне веселящихся.

Нынче эти человеческие хамелеоны с удовольствием несут транспаранты, энергично выкрикивают лозунги, принимают активное участие в сожжении карикатурного чучела коррупционера. И только дома, уединившись, пускают горькую слезу сожаления в наполненный стакан с водкой и, с над-

рывом в душе и болью в сердце, поминают усопшие возможности могущественной карьерной лестницы. Потому что год назад, по какой-то злой иронии судьбы и по чьему-то шутиливо-фантастическому умыслу, чиновникам была оставлена их карьерная лестница, но тех былых возможностей, которые она услужливо предоставляла по мере продвижения вверх, уже не стало. И не то чтобы не стало, а просто пользоваться этими самыми возможностями стало крайне небезопасно. Да что там небезопасно – страшно! Страшно до потери сознания от одной мысли, что вдруг случится то же самое, что и год назад. От подобных провидческих фантазий чиновников всех рангов и мастей била нервная дрожь, с рапирным покалыванием в область сердца. Вот такой был сегодня день. «Великий День Коррупционера»! Так его обозначили в календаре, и Президент, лёгким мановением воли, по значимости приравнял сей знаменательный день к самым большим гражданским праздникам. Вторым, естественно, после Дня Победы.

А начало этому невероятному празднику было положено год назад, в утро 31 марта. Именно в этот день произошла странная и роковая встреча, повлёкшая событие, взбудоражившее всё мировое сообщество. Итак, год назад.

В то солнечное утро Президента разбудил не кто иной, как некий незнакомец. Как он к нему попал, минуя незамеченным более чем многочисленную охрану, неизвестно. Даже самому Президенту. Описывать внешность незнакомца

не станем, потому что она нам также не известна, а Президент скрывает не только его внешность, но и сам факт встречи.

– А, это ты, – сказал Президент, раскрыв глаза. У другого они, скорее всего, полезли бы из орбит, но у Президента лишь слегка округлились. – Не ожидал. Каким ветром занесло?

– Ветром может занести пыль в глаза, – серьёзно ответил гость, но после, хитро усмехнувшись, добавил. – Впрочем, пускать пыль в глаза ваш брат политик более искусный мастак, чем самый сильный ураган. Чем «сирокко» в Сахаре.

– Ну, до тебя, я думаю, в этом аспекте, нам вместе взятым так далеко, как последнему грешнику до рая.

– Оно может и так, но ты особо не дерзи, – шутливо погрозил пальцем незнакомец.

– Я хотел тебе польстить, – оправдался Президент.

– Не надо, – протяжно ответил тот. – Я не люблю лести. Я очень хорошо знаю ей цену. Она колеблется, как курс акций, в зависимости от потребностей льстеца к возможностям объекта лести. Как первое, так и второе крайне нестабильно. А по сути – грош цена! Тем более, я зашёл в гости по собственной инициативе. Мимоходом. И в лести совершенно не нуждаюсь.

Президент сел на кровати и сунул ноги в тапочки.

– Мимоходом? – спросил он лишь для того, чтобы что-то сказать, а в это время успеть подумать.

Незнакомец это понял, но ответил:

– Да, я у тебя транзитом. Держу путь на Запад.

– Да?! – обрадованно воскликнул Президент. – Может, извини, поспособствуешь с кредитами? Тебе же раз плюнуть!

Незнакомец согласился:

– Мне действительно – раз плюнуть. Только делать этого я не стану. И не потому, что не хочу тебе помочь. Отнюдь. Тут вопрос в другом. Кто будет отдавать? Ты? Не смей меня. Отдавать придётся народу, а ему и так не сладко. А твои сладкие слова всегда на деле отдают горечью.

– С каких это пор ты стал беспокоиться о народе? – с плохо скрываемой язвительностью спросил Президент.

– С недавних, – беззлобно отсёк незнакомец, но вдаваться в подробности не стал. А вместо этого пустил в ход лёгкую кавалерию. – Я ещё понимаю спортивные арены, но зачем понастроил столько дворцовых резиденций? Из золота и хрусталя! Спрашивается, из каких-таких средств?

– Эти деньги не из бюджета, – вяло огрызнулся Президент.

– Ну, конечно! – негромко воскликнул гость, саркастически ухмыльнувшись. – Честно заработал на продаже собственного урожая картошки?! – И, метнув яркий взгляд, сделал вывод. – Даже если бы ты засадил картошкой всю Европу, и то не хватило бы прибыли, чтобы оплатить все твои сооружения, средства передвижения и многочисленную охрану. Помнишь такой афоризм: «Бедному не хватает многого, алчному – решительно всего»? Не про тебя ли сказано?

– Нет, не про меня, – резким тоном возразил Президент. – Деньги мне нужны не ради самих денег, а чтобы...

– Насытить ненасытную гордыню, – закончил незнакомец. – Я знаю, что ты не дурак. А также мне понятно твоё желание войти в историю первым, а лучше – единственным, правителем, кардинально преобразившим страну. Ты прекрасно знаешь, что потомки оценивают не гуманные поступки, милосердие и добродетель правителя, а его дела. Его достижения. И плевать, какой ценой или какими жертвами эти достижения достигаются. Вот такой парадокс: современники хотят свобод и материальных благ, а потомки смотрят на искусство, культуру и технические достижения. Да, люди глупы, лицемерны и недалёковидны. Вот поэтому они получают то, что заслуживают. Хотя, конечно, всегда ищут крайнего.

Президент недоуменно посмотрел на гостя.

– То ты мне устраиваешь разнос на пустом месте, – сказал он с лёгкой улыбкой, – то потом делаешь заключение, которое я трактую, как одобрение?! Что-то ты противоречишь сам себе?!

Чуть помолчав, гость, озорно посмотрев по сторонам, шёпотом ответил:

– В последнее время во мне происходят непонятные метаморфозы. Начинаю страдать раздвоением личности. – И, уже придав голосу громкости и твёрдости, заявил. – Ты прав, долой хилую сентиментальность. – И тут же поинтересовался. – Я так понимаю, что и дальше собираешься президен-

ствовать?!

Президент подозрительно посмотрел на незнакомца.

– Я не могу бросить страну на произвол судьбы, – осторожно ответил он, а потом добавил. – Хотя за президентское кресло не держусь.

Незнакомец рассмеялся.

– Охотно верю! – воскликнул он. – Уже не ты за него держишься, а оно за тебя. Президентское кресло приросло к тебе намертво. Вы слились, пустили обоюдные корни, которые переплелись мёртвыми узлами. Видимо, теперь, чтобы вас разъединить, потребуется хирургическое вмешательство?!

– Что ты имеешь в виду? – подавшись вперёд, спросил хозяин.

– Ничего я не имею в виду, – как-то грустно ответил гость. – Ладно, достаточно разговоров на отвлечённые темы. Вернёмся к текущим делам.

Президент попытался вступить в дискуссию и полемику по данной, совсем для него не отвлечённой, теме, и даже для этого поднял руку, но был вежливо остановлен:

– Ты же знаешь, что я всё знаю, ну и зачем, скажи на милость, бурные потоки ненужных слов? Если бы твои потоки из интервью и водопады из выступлений превратить в настоящую воду, то уже давно был бы очередной потоп. У меня к тебе, по такому случаю, другое предложение. Ты же знаешь, если я к кому-либо захожу в гости, то, как и полагается, не с пустыми руками. Всегда найдётся какой-нибудь по-

дарочек.

Президент сразу оживился, сразу плюнув на то, что гость имел в виду:

– Позволь, я хотя бы влезу в брюки, умоюсь и прикажу подать завтрак?! За чашкой горячего чая и беседа теплее становится.

Гость улыбнулся:

– Ух, хитёр, пройдоха! Давай, только быстро, мне недосуг.

– Я мигом!

И Президент тотчас умчался по кабинетам утренних процедур, предварительно озадачив камердинера, в лице личного секретаря, подачей завтрака. И ещё предупредил, что для всех, абсолютно, без всяких исключений, он, Президент, занят. На неопределённый срок.

Час действительно пролетел мигом, и камердинеру пришлось три раза заваривать свежий чай, тогда как незнакомец, молча и терпеливо, рассматривал в окно городской пейзаж.

– Прошу меня извинить, – сказал покрасневшийся Президент, подходя к столу, – не мог не посетить спортзал. – Потом, с некоторой долей досады, добавил. – Прямо нездоровая мания оздоровления! Если с утра не потаскаю гирию или не промчусь на велотренажёре несколько десятков километров, потом целый день чувствую себя разбитым. Не могу без спорта.

У гостя скользнула лукавая усмешка:

– Я это знаю. Как, впрочем, и многое другое тоже.

– В таком случае, милости прошу составить мне компанию в скромной трапезе!

– Покорно благодарю, – гость слегка склонил голову. – Но чай я уже выпил, а от всего остального у меня изжога. Я и так у тебя задержался больше предполагаемого, поэтому, не мешкая, приступим к делу.

– К делу? – недоуменно переспросил Президент. – А подарок?

На этот раз незнакомец улыбнулся снисходительно.

– Экий ты смешной, – сказал он. – Подарок, это моё к тебе благоволение, которое я могу выразить в чём угодно. Вот какое твоё самое заветное желание? Вот чего тебе хотелось бы больше всего?

– Эх, – Президент с досадой махнул рукой, смахнув ненароком чашку, которая разбилась и, плюнув на которую, сказал. – Мой дорогой, если бы ты знал, как чертовски не хватает денег! – Секунду помедлив, добавил. – Стране. У меня столько задумок, планов...

– Знаешь такое выражение, – перебил гость, – хочешь рассмешить Бога, поделись своими планами? Не боишься... рассмешить?

Президент мгновенно перешёл на шёпот:

– Но я же никому. Ни-ни. Вот только тебе намекнул.

– Н-да, тонкий намёк. Я бы сказал – дипломатический. Ладно, не бойся, я никому даже не намекну. – И, задумавшись, повторил желание-жалобу Президента. – Денег, гово-

ришь?

– Ага.

Незнакомец закрыл глаза, с минуту покачался на стуле, а затем, подавшись вперёд, сипло прошептал:

– Понимаешь, просто так денег я тебе дать не могу...

– А я не просто так, – бестактно перебил Президент. – Ты скажи, что надо сделать?

Гость оказался очень терпеливым субъектом:

– Ты меня не понял. Я не могу вот взять, да и завалить тебя валютной массой. Мне, в свою очередь, её также требуется откуда-то извлечь. Ничто не возникает из ничего и не превращается обратно в ничто. Предлагаешь кого-нибудь из мировых тузов ограбить на десяток-другой миллиардов?

Блеск глаз и мимика всего остального лица кричали трубным гласом за подобное рационализаторское предложение, но Президент, невероятным усилием своей негибкой воли, заткнул глас, и негодуя воскликнул:

– Ну что ты! Что ты! Не надо никого грабить! Мы мирные люди... Вот если бы...

– Что? Не тяни кота за хвост!

Но Президент не торопился.

– Вот если бы, – наконец медленно заговорил он, устремив в дальний угол комнаты философско-отстранённый взгляд, – всех коррупционеров, от мало до велика, взять с поличным, да врезать им с конфискацией...

Незнакомец закончил:

– То все тюрьмы, а также военные казармы, окажутся переполненными.

Президент, как было это ни печально, вынужден был согласиться:

– Да, пожалуй, ты прав, – и сразу же воскликнул оптимистично. – Но идея-то хороша! Согласись? Тут надо поразмыслить, доработать.

И гость охотно согласился:

– Что-то в этом есть... карикатурно-сатирическое. А идея, действительно, не так уж плоха, и я, кажется, придумал, как её воплотить в жизнь. Я тебе помогу только тем, что в моих силах, но вся оперативная работа будет за тобой. И не надо никого сажать, только добровольно-принудительная экспроприация нечестно нажитых средств. Но, не обессудь, тебе придётся мобилизовать всех своих верных опричников, наделить их неограниченными полномочиями, рассредоточить по всей стране, и там, в связке с местными, более-менее честными, силовиками, собирать урожай.

– Раз дело того стоит, оголю свои тылы, а соберу! – воодушевлённо воскликнул Президент, и вдруг с интересом спросил. – А как мои люди узнают, кто более честный, а кто менее?

– Не переживай, – по-прежнему улыбаясь, успокоил гость. – Это сразу будет бросаться в глаза. Сейчас я введу тебя в курс моей выдумки. Слушай внимательно, какую шутку мы разыграем завтра. Вот это будет первое апреля! Вот это

будет потеха! Но, – незнакомец хитро, и одновременно серьёзно, посмотрел на Президента, – должен тебя предупредить, что за последствия отвечать тебе. Я не знаю, во что это может вылиться в конечном итоге. В балансе, так сказать. Ну так как – не передумал?

– Нет! – Президент всегда был твёрд в своих решениях, особенно, когда дело касалось денег.

Глава 2

В ночь на первое апреля мэр города N спал плохо. Нет, ему не снились кошмары и «кровавые мальчики» не преследовали его с целью вендетты. Он этого не заслуживал, потому что был добрейшей души человек. Он любил жизнь, любил свою семью, любил свой дом, огромный особняк, любил веселье и застолье, любил деньги, потому что без них ничего выше перечисленного не было бы, и страстно любил работу, которая давала деньги, которые предоставляли всё предыдущее, да и, чего там скрывать, многое и многое другое.

Спал мэр плохо по другой причине. Всю ночь ему очень сильно чесались то умный, высокий лоб с залысинами, то правая волосатая рука, а то и одновременно всё вместе, что приводило к некоторым неудобствам. Оставшейся левой рукой невозможно чесать сразу два объекта, а зуд был просто нестерпимый. Мэр ворочался и нервничал... от мысли об ограниченности человеческих возможностей. Ведь, куда удобней было бы, будь человек создан по подобию индийского бога Шивы: и на работе сподручнее, да и дома масса удобств. А сколько одновременно можно лапать женщин!

– Хватит уже ворочаться! – услышал он голос одной из них, которая спала рядом и носила трагическое прозвище – жена. – Не хочешь спать сам, не мешай другим. Завтра не выходной.

– Уснёшь тут! – буркнул мэр, но был рад, что жена проснулась. Всё есть кому пожаловаться. – И рад бы уснуть, да не могу.

– Бессонница? – с участием, но без сочувствия спросила жена, не открывая глаз.

– Какая к чёрту бессонница! – зло прорычал мэр. – Проклятая чесотка доконала вконец!

– В конец? – с чисто женской иронией и кокетством спросила супруга, и даже растянула губы в подобие улыбки.

– Дура! – любя ответил градоначальник, которому было не до шуток. – Лоб свербит, ладонь зудит, да так, что готов мясо содрать.

– На лбу?

– И на лбу тоже!

– Которая рука чешется: правая? левая? – спросила женщина, поняв, что уснуть не получится.

– Правая.

– А ты правша?

– А ты до сих пор не знаешь?

– Откуда мне знать?! Твоя же рука.

– Каждый день вместе за семейным столом пищу поглощаем.

– Пищу ты поглощаешь ртом, а взятки берёшь на лапу. Вот я и спрашиваю – на которую? Если на правую, то чешется к деньгам. Тебе сегодня кто-то отвалит здоровенный куш. Возьми на работу рюкзак.

– Дура, – повторил муж без прежней эмоции, но и без особой ласки. – Языком, что помелом. А лоб тогда к чему?

– Лоб может чесаться только к одному – к рогам!

– Вот ведь дура! – повторил любимое слово и посмотрел на светящиеся цифры часов. – Уже пять, пойду умоюсь и посмотрю, что там за зараза такая. А ты выдвигайся к кухне, завари кофе.

Мэр, высокий и широкоплечий мужчина, встал, почёсывая поочерёдно то лоб, то руку, которая на работе служила «лапой», и, шлёпая тапочками, вышел в коридор, освещаемый полной луной, держа курс в личную туалетную комнату.

Жена же повернулась на внушительный бочок, сопроводив сие действие словами:

– Что я, дура, что ли?! Рано ещё!

Но уснуть бедной женщине было, всё-таки, не суждено. Не прошло и десяти минут, как раздался душераздирающий короткий крик, плавно переросший в продолжительный стон, чем-то напоминающий волчий вой.

Жена открыла глаза:

– Ну что там опять стряслось, у этого оборотня без погон? Своим воем сейчас весь дом переполошит, тать такая! Может, луна подействовала, полнолуние всё-таки?!

Она уже собралась было идти на зов, как услышала топот бегущих ног к спальне. «Такого ещё не было, – подумала супруга и обратно укрылась одеялом. – Что он там такое страшное увидел? Инопланетянин из унитаза вылез? Или до-

мовой, увидев собрата, захотел провести сравнительный анализ шерстистости лап? – И завершила свои интеллектуальные размышления печальной надеждой. – А может, просто неожиданно сошёл с ума?»

Она, может быть, ещё и поразмышляла бы, но времени на это у неё уже не было. Мэр влетел в спальню, как метеорит в атмосферу, излучая яркое свечение ужаса и растерянности. Хлопнул рукой по выключателю и в одну секунду покрыл расстояние от двери до кровати. Приблизил к не утратившему привлекательности лицу жены своё мужественное чело, с тонким ртом, большим носом и маленькими, но сильно вытаращенными глазками, и дрожащим, охрипшим голосом, тыча себя пальцем в лоб, спросил:

– Что это такое? Что это значит? Откуда? Как? Почему?

Женщина широко открыла рот, всплеснула руками, а затем, с глухим стоном, приложила обе ладони к открытому рту.

– Что это? – в ужасе простонала она.

– Это я у тебя спрашиваю, что это такое и как это понимать? – вскричал мэр, хлопая себя ладонью по лбу, на котором крупным, красно-багровым шрифтом чётко вырисовывалась буква «К», один конец которой упирался в переносицу, а второй уходил в жидкую растительность на голове.

Жена, уже успевшая закрыть рот, протянула к букве дрожащую руку и с опаской, указательным пальцем, потрогала таинственное изображение. Муж со злостью ударил по руке,

а она, осенённая мыслью, выдвинула предположение:

– Это же начальная буква твоего имени! Константин!

– Ага! – мужа, почему-то, это не удовлетворило. – Костя! Костик! Костян! Кастусик! Дура!

Он, конечно, был не в себе, и понять его можно, но на очередное оскорбление жена обиделась:

– Сам дурак! Так тебе и надо! А ещё лучше, чтобы у тебя на лбу появилась ещё одна буква – «Д»! Не надо было бы представляться, всем и так было бы ясно, что перед ними – Константин Дурак!

Мэр в семье, случалось, был хамоват – а кто из нас идеал? – но дураком не был никогда и нигде.

– Да не имя это моё! – сказал он хоть и повышенным тоном, но уже без злости, а глаза наполнились тоской «вечного жида».

– А что? Скажи, если знаешь? Зачем орать-то? – задавала вопросы женщина, вновь услышав в сердце голос жалости и сострадания.

Мужчина уныло посмотрел ей в глаза и обречённо ответил:

– Это клеймо. Символ, отражающий мою суть и неожиданно выползший наружу. Чёртова метка, как главная улика наглядного доказательства со стороны обвинения. Я только что это понял, будто эту мысль кто-то силком впихнул в мой мозг.

– Милый, это называется озарением, и с этим всё понят-

но, – блеснула эрудицией жена. – А вот что означает то, что ты говорил до этого?

Муж отвёл задумчивый взгляд в сторону и с апатией меланхолика пояснил:

– Рано или поздно для каждого приходит час расплаты, а этот знак оповещает меня о его приближении.

Женщина несколько секунд морщила лоб, что говорило о бурной умственной деятельности, но потом это занятие ей наскучило, она плюнула и откровенно спросила:

– Да скажи же толком, что означает эта проклятая буква?

– Всё просто, дорогая. Это слово – коррупционер.

Жена отреагировала мгновенно, потому что данное объяснение ей совершенно не понравилось. Она фыркнула и высокомерно заявила:

– Фу, какое глупое и противное слово! И с чего ты это взял? Это твоё озарение тебе подсказало? А может обуявший страх? Или проснувшаяся совесть проникла в подсознание?

Внешне мэр казался спокойным.

– Абсолютно не важно, кто мне подсказал, но у меня есть железное доказательство моего предположения. Вот оно! – сказал он и протянул жене раскрытую правую ладонь.

Жена опять ахнула, но рот открывать не стала и руками не махала. Только вновь указательным пальцем провела по ладони мужа линию и тихо сказала:

– Надо же, какие-то циферки?!

– Поразительная наблюдательность! – рявкнул мэр, сжав

при этом руку в кулак, а женщина еле успела одёрнуть палец, избегнув, таким образом, потенциального перелома. – Может, есть версия, что эти циферки означают?

Жена, польщённая доверием мужа, страдающего помощи, выдвинула гипотезу, на её взгляд вполне логичную и всё разъясняющую:

– Может, это номер твоего счёта в банке?

Мужчина удивлённо посмотрел на верную подругу жизни, явно обескураженный неожиданным предположением. Такого мышления от собственной жены градоначальник не ожидал. «Да, – подумал он, – а ведь она не так далека от истины, как кажется».

– Ты права, – сказал в голос, глядя ополоумевшими глазами поверх головы супруги. – Это счёт. Только не мой, а ко мне. Прислали своеобразный чек к оплате.

– Кто прислал?

– О, дорогая, тебе лучше этого не знать, – ответил он и, подумав, добавил. – Да и мне тоже. – И тут мэр сорвался. – Но почему мне? Чем я провинился? Неужели я хуже всех? За что такое несправедливое наказание?

– Ну, запричитал! Заскулил! Мужчина, называется?! Если не хочешь говорить, кто прислал, не говори, но хотя бы объясни, что за чек? Мне же интересно!

Мэр сделал глубокий вдох и медленный выдох.

– Циферки на моей ладошке, – он старался говорить спокойно, – это сумма. Сумма, я так думаю, всей денежной мас-

сы, которую я принимал этой самой дланью, в обход официальной бухгалтерии и минуя департамент по налогам и сборам.

Жена не была совсем уж дурой, какой в разговоре пытался всё время представить любящий муж, и, наконец, сообразила, о чём тот толкует. И с придыханием спросила:

– Ты думаешь, кто-то подсчитал все... подарки, которые ты получил за всю жизнь честной и безупречной службы? А потом, неизвестно как, выгравировал это безобразие на теле? Но как? Это невысказано! Мистика!

Мужчина пристально посмотрел в глаза супруги, стараясь понять, нет ли в словах о честной и безупречной службе насмешки или, чего хуже, скрытого злобного сарказма. Но глаза благоверной выражали невинную наивность, лёгкое недоумение, граничащее со страхом перед неизвестностью, и искреннее желание понять.

В отношении жены муж успокоился, но на вопрос не ответил, а задал свой, не обращённый ни к кому лично, и носящий слегка философский характер:

– Неужели так много?

Женщины, по своей сути, в подавляющем большинстве, существа более меркантильные и практичные, нежели мужчины, наиболее оптимально адаптированные к грубым и каверзным реалиям сугубо материальной жизни.

– Интересно, а в какой валюте эта сумма? – спросила жена, с умным видом посмотрев на мужа.

Тот ещё раз с удивлением глянул на супругу. Да, а ведь действительно, в какой? Вопрос совсем не праздный. Хорошо бы, чтобы в рублях, хоть какое-то облегчение.

Мэр вновь раскрыл ладонь, повернув её в сторону лучшего освещения, и они вдвоём принялись пристально изучать исписанную поверхность.

– Вот, вот, смотри, возле мизинца! – довольная тем, что нашла первой, воскликнула жена. – Видишь знак? Это доллары.

– Какой кошмар! – озабоченно ответил градоначальник и опустил голову.

Но и тут семейная половинка попыталась утешить:

– Хорошо, что не ЕВРО. Согласись?

Муж нехотя согласился:

– Да, конечно, но хрен редьки не слаще.

– И вообще, – женщина и здесь стала первой набираться мужества в противостоянии беде, – кто тебе сказал, что ты должен всё это вернуть? И куда? И кому? Может, это просто информация к твоему сведению?

– Информация к размышлению, – без эмоций повторил мэр легендарную фразу.

– А нечего тут размышлять! – в женщине проснулся энтузиазм, готовый ради благородной цели горы свернуть. Ну, или, хотя бы, передвинуть. – Нечего сидеть, понури голову! Надо думать, как избавиться от этой коросты! От этого мерзкого поклёпа на честного человека! От этого противного до-

носа! Ишь, чего удумали! – Она ни к кому лично претензий не предъявляла, но готова была вступить за поруганную честь мужа в смертельный бой с кем угодно, хоть с самим... – Такую сумму им вынь да положь! – И тут, перейдя от абстрактных восклицаний к конкретике, обратилась к флегматичному мужу. – Надо мази попробовать. Натереть и забинтовать.

– Какие мази? – вяло, почти безразлично, муж, с повышенной ответственностью государственного мужа, ухватился за протянутую тонкую соломинку.

– Неважно! Любые, какие только найду в нашей аптечке.

– А-а, – он разочарованно махнул рукой, – ты лучше скажи, как мне на работу в таком виде идти?

Оптимистичная женщина и здесь не видела никаких препятствий:

– А так и пойдёшь. Сейчас принесу мазь и бинт.

– И что я скажу, если меня спросят? – сомневался нерешительный супруг.

– Эка невидаль! Проще простого! Оступился, зацепился, поскользнулся, одним словом – упал. Ушиб руку и рассёк лоб. Бытовая травма. Вот и всё.

Но вдруг, немножко покумекав, передумала:

– А ты вообще не ходи на работу! Заболел! Температура! Большая! Лоб горит! – После этих слов они переглянулись, но молча. – И не надо никому ничего объяснять. Мэр ты или не мэр? А если мэр, разве не имеешь права заболеть?

Мужчина приободрился и согласился:

– Да, правильно. Ничего страшного не случится, если один день не выйду на службу. – И вновь опечалился. – Один день? А если не пройдёт? Если эта зараза на всю оставшуюся жизнь? О-о-о!

Он застонал и схватился за голову.

– Хватит ныть! Этим делу не поможешь. Мы что-нибудь придумаем. Так... – жена встала, накинула халат, на ноги натянула тёплые носки и твёрдым голосом, не терпящим возражений, сказала. – Сиди здесь. Пока ещё все спят, пойду, приготовлю лёгкий завтрак и принесу сюда. И не спорь, не умирать же от голода из-за такого пустяка!

– Пустяка? – муж был ошеломлён и потрясён таким безразличием жены к драме, а возможно, и трагедии всей его жизни. – И это ты называешь пустяком?

– Конечно, – в голосе не чувствовалось безразличия, а лишь уверенное спокойствие. – Вон, я где-то слышала, или видела, а может когда-то читала, это не важно, что у сильно верующих людей тоже иногда появляются стигматы, но никто же их за это не сажает в тюрьму?! Вот если, упаси боже, тебя застукают на месте пре... на рабочем месте с деньгами, нагло подсунутыми подлым провокатором, тогда дело уже другое. А так...

Мэр трижды сплюнул и столько же раз постучал о красное дерево спинки кровати. Женщина суеверно повторила процедуру.

После завтрака, тщательно втерев «диклофенак» и «капсикам» в руку и лоб мужа, жена аккуратно забинтовала прокажённые места, и мэр стал походить на боевого командира, израненного в неравном бою с врагами.

Она ещё раз внимательно осмотрела проделанную работу и, оставшись удовлетворённой, сообщила перечень дальнейших действий:

– Пойду в душ, потом отправлю на работу сына с невесткой, соберу в школу внуков, предупрежу у себя на службе, что задержусь, а ты сиди здесь тихо и негромко смотри телевизор. Я всем скажу, что тебе сильно нездоровится и ты, приняв лекарство, отдыхаешь. Спишь.

Мужчина равнодушно махнул рукой:

– Делай, как знаешь. А я, часов в семь, позвоню заму и предупрежу, что меня сегодня не будет – заболел. А тебе не помешало бы перед работой заехать в поликлинику и взять, на всякий случай, мне бюллетень. На недельку.

– Именно это я и собиралась сделать. Отдыхай, боец невидимого фронта.

Мэр раскрыл рот, чтобы ругнуться, но супруги уже не было. А было уже без десяти минут шесть. В шесть начинался подъём для старшей возрастной группы, а в семь – для младшей. Он приляг на кровать, закрыл покрасневшие глаза и стал ждать. Телевизор в это утро был ему неприятен.

И только теперь, оставшись один, государственный функционер осознал весь ужас и всю нелепость сложившейся си-

туации. Случай был настолько невероятен и фантастичен, что мощный аналитический ум и здравый, давно трезвый рассудок, воспитанный в лучших традициях отрицания всего, чего нельзя было потрогать и пощупать, категорически отказывался верить в реальность произошедшего.

Но факт, крупно отпечатанный на собственных частях тела, и который он мог и трогать, и щупать, и видеть, вступал в острое противоречие со всеми его идеологическими и хозяйственно-руководящими знаниями. Его гибкость ума, как у человека грубой материи, наиболее оптимально проявлялась там, где предоставленную государством материю нужно было раскрыть таким образом, чтобы все нужные люди, включая в первую очередь себя, могли пошить себе всё что угодно, а все остальные – хотя бы слегка прикрыть свой срам. Остальное, выходящее за эти рамки, в головном мозге не укладывалось. А вот спинной мозг, который, при загадочных и пугающих обстоятельствах, пускал на спину припрятанные мурашки, открыто вступал в дискуссию с главным, утверждая обратное – мол, в жизни бывает такое, что ты, закройщик, даже представить не можешь.

Мэр твёрдо стоял на стороне головного и страстно убеждал себя, что ничего подобного не может быть, потому что этого быть не может никогда! Но неизвестно откуда, неизвестно кто, но кто-то и откуда-то навязчиво внушал мысль, что призрак до сих пор бродит, и не только по Европе, но и по всему миру, а вот совсем недавно навестил здешние

места, лично удостоив чести своим визитом такого уважаемого человека, как мэр. Но с какой целью хитрый и коварный призрак, и вовсе не коммунизма, среди ночи заглянул к нему? А цель была отнюдь не благородная. Сей подлый призрак решил его опорочить и унижить, втоптать в грязь доброе имя и уничтожить авторитет государственного деятеля. Дискредитировать его незапятнанную репутацию в глазах коллег, товарищей и... электората.

Мэра била мелкая дрожь, называемая ознобом, спинной мозг начинал выпускать противных мурашек, а в головном начинался сумбур. «Так, наверное, медленно сходят с ума?» – подумал вопросительно градоначальник, и в страхе затряс головой, пытаясь, видимо, таким образом освободиться от навязчивых мыслей. В голове зазвенело, что привело мэра в ещё больший ужас. Он вскочил с кровати, схватил руками перебинтованную голову, выпучил глаза, и после этого понял, что звонит телефон.

Звонил зам: его преданный друг, ибо в любую минуту готовый предать; его надёжный товарищ, в любой трудный момент готовый подставить... не плечо – ножку; его верный соратник, помогающий в кройке материи, но жаждущий перехватить главные муниципальные ножницы в свои руки.

Но то, что услышал мэр от выше охарактеризованной особы, повергло его в психологический шок, а в его душу закрались злорадно-радостные ощущения сомнения и восторга. После первых же фраз первого помощника, он понял, что

тот врёт самым наглым образом. Но это обстоятельство его не огорчило, а как раз наоборот – обрадовало. Потому что хозяин города понял главную суть сей лжи – он не одинок в нагрянувшей беде! Он готов был голову сложить на плахе, но был на сто процентов уверен, что тот же призрак оставил те же отметины на тех же местах у его зама.

Мэр воспрянул духом, а на лице скользнула ехидная улыбка.

– Голова, говоришь, раскаляется?! – грозно вопрошал он, но всё его естество, от митохондрии до вакуоли, ликовало. – Упал на ступеньках? Расшиб лоб и поранил руку? Ай-яй-яй! Как думаешь, сотрясение есть? Ах, есть?! И даже сильное?! Тошнит?! И голова кружится?! Идти не можешь?! Ох, бедолага, ох, ты бедненький. Да, понимаю и сочувствую. Искренне. По-дружески. По-товарищески. По-братски. Врача на дом не хочешь вызвать? А, ты надеешься, что всё само собой пройдёт?! Рассосётся?! Растворится?! Исчезнет?! – И уже шёпотом. – Хорошо бы.

Градоначальник выждал долгую паузу, не придавая значения тому, какую околесицу нёс его заместитель. Ему давно всё стало ясно. Кто-то подлый и коварный наслал ни них обоих страшное проклятие! Как пить дать... жаждущему, здесь без чёрной магии не обошлось!

Впрочем, как в первое, так и во второе мэр не верил, а свято верил в демагогию, материю и цифры. Именно с них он и решил начать:

– Успокоился? – строго спросил начальник подчинённого. – А теперь и ты давай, по-дружески, по-товарищески, по-братски, начистоту, как будто это твоё последнее слово, выкладывай, какая цифра отображена на твоей пострадавшей руке?

Наступила гнетущая тишина, лишь по ту сторону слышалось тихое сопение, означающее сомнение и недоверие. Мэр ждал честных, мужских признаний, но из телефона сквозило девственной нерешительностью, патологической боязнью, и, наконец, откровенной трусостью. Штурмом взять крепость не получилось, придётся приступить к осаде.

– Ну что ты весь скукожился? – приступил он к психологической обработке. – Что ты напрягся? Сбрось засов и открой дверь, ведь к тебе стучится лучший друг! Распахни славянскую душу, потомок Моисея! – На этом психологическая увертюра кончилась, началась сама соната, по жёсткости звучания напоминающая «нотки» Вагнера. – Ты что, дурак?! Ты позвонил мне, чтобы снабдить мои уши макаронными изделиями?! Ну? Что ж ты молчишь, как пень? Если я спрашиваю о таких подробностях, то, видимо, я откуда-то это знаю! Как думаешь – откуда? Или у тебя от страха все извилины переплелись? Совсем соображать перестал? Думай! Кумекай! Ну вот, наконец. Молодец! С возвращением... рассудка.

После прорыва психологической плотины, нахлынувший поток эмоций, порой сумбурных и противоречивых, градоначальник слушал молча. Лишь мужественное лицо отража-

ло весь спектр чувств: он то беззвучно улыбался, то морщился, то озорно подмигивал, а один раз даже показал телефону язык. Но вот, наконец, и ему предоставили слово.

– Да, я согласен, явление более чем странное. Неординарное явление. Из ряда вон выходящее явление. Аномальное явление, требующее... Что? Сенсация? Пожалуй, что так, только эту сенсацию надо держать... Куда попасть? Мировая слава? Что-то тебя после клинического приступа страха здорово отпустило?! Так отпустило, что ты окончательно спятил! Зачем тебе мировая слава в тюрьме? Тебе оно надо? То-то! Не о том думаешь, дорогой! Тут надо пораскинуть мозгами, как избавиться от этой напасти. Как вытравить эту дурацкую букву и эти проклятые цифры! Да, кстати, я прослушал. Так какая, ты говоришь, у тебя итоговая сумма? А, ты ничего не говоришь?! Что-что? Это коммерческая тайна? Ну-ну, понятно. Только смотри, хранитель тайн, чтобы твоя сокровенная тайна не стала достоянием гласности в узких специализированных кругах, замкнутых на определённых специфических ведомствах. А-а-а, вот видишь, как хорошо иметь в трудную минуту под рукой друга, товарища и брата. И это тоже хорошо. И с этим с тобою согласен. Да, не время для дружеской грызни и товарищеских распрей. Надо сплотиться. Надо думать. Надо соображать... Извини, дорогой, тут ко мне параллельный звонок. Я тебе потом перезвоню. А, чтоб у тебя на лбу ещё кое-что выросло!

Но перезвонить и узнать, не выросло ли у друга ещё кое-

что, мэру также было не суждено. Потому что на его телефон звонки посыпались чередой. Звонили начальники отделов, секторов, звонила главбух, и все наперебой твердили о массовой эпидемии, поразившей наповал их подчинённых и свалившей с ног их самих. Одним словом, никто не в состоянии выйти на службу, требующей полной самоотдачи во благо народа. И хозяин города с ужасом осознал, что вся верхушка муниципального правления парализована. Всех безжалостно скосил страшный и непонятный недуг. Но он ещё не догадывался, что этот самый недуг нанёс сокрушительный удар по всем без исключения, вне зависимости от занимаемой должности, полученного образования и профиля работы, сферам городской жизни. Это была катастрофа государственного масштаба, размах которой был ему ещё неизвестен.

Мэр в первый момент так возликовал от полученной информации, что готов был пуститься в пляс. Он не один! И их не два! И не три! Их много! Но потом вдруг опять погрузнел. Если одному, или двум, или трём, ещё можно было выплыть сухим и незамеченным, то это невозможно будет сделать в том случае, когда весь городской корабль пойдёт ко дну. О государственном «Титанике», как уже упоминалось, он ещё понятия не имел.

Градоначальник встрепенулся и посмотрел на часы – они показывали цифру девять. Он и не заметил, как остался дома один, не считая пришедшей кухарки и личного водителя, который, уже зная о болезни шефа, тем не менее, бессовест-

но ошивался на кухне.

Хозяин города (пока ещё), как и дома (тоже пока ещё), вышел из спальни, опёрся о перила и посмотрел вниз. В просторной гостиной царили тишина и порядок. Никого. Как всё было бы замечательно, если бы не... Вследствие нервных потрясений в нём опять разыгрался аппетит. Из кухни доносились приглушённые голоса: кухарка, молодая женщина, готовила обед, а водитель, пользуясь своим статусом, набивал желудок, что называется – на халяву, и вёл непринуждённую беседу, состоящую в основном из пошлых анекдотов, намёков и предложений. Обычное дело и обычный персонаж – интеллектуальная личность с алчными глазами шакала, мощными челюстями гиены и преданностью собаки. Подобные типы всегда беззаветно преданы, но лишь до того момента, пока их хозяин крепко стоит на ногах, а если и садится, то исключительно в своё кресло, которое под ним ни в коем случае не должно шататься.

Кресло под мэром ещё не шаталось, но, начиная с раннего утра, ноги давали сбой, вплоть до полной гуттаперчевости. Сейчас, впрочем, кальция в костях прибавилось, но не настолько, правда, чтобы чувствовать себя уверенно у штурвала городского фрегата при надвигающемся шторме.

Он набрал в лёгкие воздуха, открыл рот для голосового сигнала, но в этот момент раздался опережающий сигнал. Кто-то настойчиво жал кнопку звонка с улицы, возле высокой кованой калитки. Казалось бы, обычное дело, мало ли

кому взбрело в голову зайти в гости к мэру?! С утра. Без записи. Без звонка. Без предупреждения. Да может и не к нему вовсе?! Кто знает, кто здесь шляется в отсутствие хозяев!? Причин могло быть уйма, и даже больше, случись такое в любой другой день, но только не сегодня. Сегодня хозяин не верил никому и ничему, перестал верить в случайности и совпадения. Обнажённые нервы обострили интуицию, а животный страх развил до предела звериное чутьё, маниакальную подозрительность и нюх на опасность.

Мэр весь вспотел, руку и лоб под слоем бинта начало жечь, из ног мгновенно улетучился весь кальций, а в глазах поплыли радужные круги, в середине которых ярко светились золотистые буквы «К». О еде он уже больше не помышлял. И вообще, он напрочь перестал о чём-либо помышлять, успев лишь выпустить набранный в лёгкие воздух. Потеря сознания, в отличие от потери совести, явление кратковременное и не столь повальное.

Очнулся почтенный и уважаемый глава городской администрации в собственной кровати. Понаблюдал с минуту потолок, припоминая последний эпизод, на котором была приостановлена жизненная кинолента, он морально готовился к самому худшему, втайне надеясь на смягчающие вину обстоятельства, главным аргументом из которых служил всемирно известный постулат о слабости человеческой натуры. Мол, что тут взять, да, грешен, а кто нынче праведник, но глубоко, очень глубоко раскаиваюсь.

Но, как выяснилось позже, трём посторонним мужчинам в штатском, находящимся в его спальне, было актуальным только «что тут взять», а остальное находилось за рамками их компетентности и принадлежало совершенно другой епархии.

– Здравствуйте, господин мэр, – сказал черноволосый, с пронзительным взглядом, мужчина, сидящий на стуле возле письменного столика, по всей вероятности – главный.

Мэр, не поднимая головы, спросил:

– Где я? Что случилось?

– Могу вас уверить, что вы в надёжных руках, – говорил только сидящий. – И под такой же надёжной защитой. И ничего страшного пока не случилось. Вам уже лучше?

Хозяин, обеспокоенный неопределённым и пугающим «пока», устало закрыл глаза и тихо спросил:

– Вы искренне полагаете, что мне может быть лучше?

Мужчина в чёрном костюме излучал оптимизм:

– Я не только полагаю, но я в этом абсолютно убеждён.

Вам надо только сбросить давящий на вас груз, как вы молниеносно почувствуете чудесное облегчение. Уверяю вас, это проверено опытом.

Первоначальный бесконтрольный страх сменился тягостным волнением, которое действительно тупо давило на все органы внутреннего содержания, особенно – на сердце. Давления на душу и совесть мэр не ощущал, потому что всегда сомневался в присутствии первой и в необходимости второй,

а поему о душевном волнении имел смутные литературные познания.

– Как вы сюда попали? – сухо задал первый вопрос, потом следующий. – Кто вас впустил?

– Впустил нас ваш водитель, как он представился, довольно вежливый молодой человек, – охотно отвечал сидящий. – Но это не имеет ровным счётом никакого значения. В любом случае, мы сюда вошли бы.

– Даже так? У вас есть на это полномочия? Кто же вы?

Главный сделал небрежный жест рукой. Человек возле окна открыл папку, извлёк лист бумаги и протянул хозяину дома. Тот стал внимательно читать, и написанное, по всему, производило на него весьма сильное впечатление. Мэр вновь покрылся испариной, лицо покраснело, глаза заслезились, а руки задрожали. С трудом дочитав до конца, где, как последний гвоздь в гробу, подводящий черту земному бытию, отчётливо виднелся размашистый автограф Президента, он нервно вернул бумагу и осипшим голосом спросил:

– Значит, всё было заранее известно? Это какой-то секретный научный эксперимент? Но как такое возможно?

Мужчина встал со стула.

– На эти вопросы у меня нет ответов, – сказал он. – Они вне плоскости моих должностных обязанностей. Я лишь строго исполняю распоряжения и инструкции Президента, а вы, уважаемый господин мэр, не о том сейчас думаете. В данную минуту ваши мысли должны быть поглощены

исключительно вашей персоной и её будущим. Возможно, незавидным будущим. Я ведь не зря намекнул о непосильном грузе. – Человек в костюме и с полномочиями выждал паузу. – Ну, так как? Будем сбрасывать этот самый груз? Или будем усугублять?

Градоначальник искоса посмотрел на свою забинтованную руку и глаза его затуманились, а к горлу, как обычно в таких случаях, подкатил ком, спровоцировав в пустом желудке спазмы.

– Вы, простите, о каком грузе говорите? – вопрос дался с большим трудом.

– Я так понимаю, что будем усугублять? – впервые в голосе агента прозвучали жёсткие и властные нотки.

Ком мгновенно провалился в желудок, где тут же был атакован желудочным соком.

– Нет! Ни в коем случае! Ну что вы! – изворачиваясь, залепетал мэр. – Я всегда рад! И помочь, и сбросить! Только, вот, знать бы – что?

На этот раз человек беззлобно усмехнулся:

– Ну, честное слово, господин мэр, вы как ребёнок, у которого забирают любимую игрушку. Вы же читали бумагу, анализировали, а значит, понимаете, что нам многое известно. Нужны лишь детали. А если точнее, нужна только одна деталь, но важная.

– Какая? – спросил совсем тихо упирающийся градоначальник, отведав взгляд в сторону.

– Та, которая намертво запечатлена на вашей правой руке, под толстым слоем бинта. – Агент с неограниченными полномочиями добродушно улыбался. – Вы можете сами себе помочь только в том случае, если безоговорочно пойдёте на полное сотрудничество. Решайтесь!

Мэр понял, что сопротивляться глупо и бесполезно, по крайней мере, именно эта мысль посетила его измученный мозг. Не те это ребята, которых можно легко выставить за дверь. А вот они, при упорном неповиновении, разбинтуют не только руку, но и всю его тёмную бухгалтерию, а потом, без сожаления, захлопнут за его спиной тяжёлую железную дверь. Однако, если нельзя сопротивляться, то торговаться никто не запрещает, благо, этим миром движет коммерция.

– Хорошо, я согласен, – нарочито беззаботно сказал он, и стал медленно освобождаться от бинта. – Может, я и вёл себя как ребёнок, но любимая игрушка уж больно дорогая. Честно вам признаюсь, что я сам был крайне удивлён её стоимостью. Думаю, господа, вы также будете шокированы увиденной цифрой.

– Нас невозможно удивить и шокировать, это наша привилегия. Вы сами, буквально полчаса назад, могли в этом убедиться.

– О, это правда. Тут мне возразить нечего. Вы можете до смерти шокировать!

Человек в строгом костюме принял такой же строгий вид:

– Это только тех, кто нагло пытается юлить и делать из нас

дураков, проявляя, тем самым, неуважение не только к нам, но и к самому Президенту.

– Да вы что такое говорите! – воскликнул мэр, в порыве искреннего уважения, граничащего с проявлением суеверного идолопоклонства. – Только не к Президенту! Ни за что и никогда! Да я лучше себе эту самую руку отрублю! – Затем, для убедительности, добавил. – Отгрызу!

Наконец, он освободил руку от бинта и, заискивающе глядя в глаза приблизившегося полномочного агента, ласковым голосом пропел:

– Уважаемый товарищ, может, как-нибудь договоримся тет-а-тет? Без огласки? Найдём взаимовыгодные точки соприкосновения? Очень не хотелось бы...

Но ледяной холод, исходивший из глаз напротив, вынудил градоначальника внутренне содрогнуться и замолчать. Он был неприятно удивлён, что великая магия денег не произвела своими волшебными чарами не только ожидаемого эффекта, а совсем наоборот – вызвала ненавистное отторжение. «Либо опасается коллег, либо редкостный фанатик», – подумал мэр с сожалением, подразумевая под редкостным фанатиком редкостного идиота.

Тот, в свою очередь, спокойно переписал цифры и протянул подчинённому, дав указание:

– Ты составляй по всей форме протокол, а я с господином мэром буду договариваться и искать точки соприкосновения.

Подчинённый глянул в листок и присвистнул, а господин мэр обрадованно воскликнул:

– Давайте! Давайте договариваться и искать! Умные люди всегда смогут договориться, если они достаточно умны не только для того, чтобы уметь зарабатывать деньги, но и достаточно мудры для того, чтобы легко делиться ими с друзьями.

– Прекрасно сказано! – воскликнул агент. – Вот сейчас мы и узнаем, насколько вы мудры.

– Давайте узнаем, и вы убедитесь, что я очень мудрый и не жадный человек, умеющий быть благодарным до конца жизни.

– Посмотрим. Я вам предлагаю два варианта решения проблемы. Вариант первый, – вы категорически отрицаете очевидный факт, и мы, под чутким руководством Президента, занимаемся вашим делом и телом вплотную. Вас устраивает такой вариант?

Мэр в ужасе недоумевал, но решил события не форсировать. Надо выждать. Может, второй вариант окажется более приемлемым.

– Ни в коем случае, уважаемый, – шёпотом ответил он, глядя собеседнику в подбородок, не осмеливаясь посмотреть в глаза.

– Прекрасно! – опять воскликнул неожиданный гость, ставший вдруг хозяином... положения. – В таком случае, остаётся только второй вариант. Но дабы в дальнейшем пресечь

всякие пошлые поползновения, ставлю в известность – другой альтернативы нет, как не будет и третьего варианта. Ну что, излагать второй вариант?

Градоначальник, скорее всего уже бывший, после такого предупреждения грустно осознал, что в своих надеждах он ошибся. Того, чего он ждал и к чему стремился, не последует. Утратив последние иллюзии, он опустил голову и прошептал:

– Да.

Но человек в чёрном, обладавший масштабными полномочиями, нисколько ими не кичился и не возносился, из озорства тиранически запугивая и унижая жертву, а совсем наоборот – он всячески старался поддержать и приободрить свою жертву. А всё потому, что он был профессионалом высочайшего класса и всегда чётко понимал, что главное – результат. Он человека видел насквозь, даже если тот не падал в обморок, и, исходя из этого, выбирал тактику поведения.

– Вы зря заранее посыпаете голову пеплом, – агент говорил мягко, почти ласково. – Всё не так уж сумрачно в вашей дальнейшей судьбе. Вот послушайте, что от вас требуется. Вы сейчас присядете к столику и напишете полное признание в хищении означенной суммы. А мы, взамен, предоставляем вам срок, но уже не тюремный, а только обязательный для уплаты данной суммы в пользу государства. Компенсировать ему, так сказать, понесённый по вашей вине ущерб.

– Но это же немыслимо! – в отчаянии воскликнул мэр. – Где я возьму такие огромные деньги!

Агент, сочувственно улыбнувшись, развёл руки в стороны:

– Тут я вам, конечно, не советчик, для этого существуют другие органы, но могу предположить, что образ жизни и среду обитания придётся поменять. Зачем вам этот дворец? А также придётся избавиться от лишней, в повседневной жизни вовсе не обязательной, роскоши, в виде дорогих автомобилей и всяких глупых безделушек, именуемых драгоценностями. Вот всё это я и имел в виду, когда говорил о непосильном грузе.

– Но даже всего этого не хватит, чтобы покрыть... недостачу!

Сердобольный агент и здесь утешил и успокоил:

– Государство всегда идёт навстречу сознательным гражданам, добросовестно выполняющими взятые обязательства. Оставшаяся сумма будет ежемесячно взыскиваться из вашей зарплаты. Я думаю, процентов двадцать, не больше. Так что, ещё можно жить!

Высокопоставленный чиновник выглядел окончательно растерянным от нахлынувших противоречивых чувств. От тюрьмы, вроде бы, избавлен, а вот от суммы, заплатив такую сумму, ещё неизвестно. Но из двух зол, как известно, выбирают...

– А где и кем я теперь смогу работать? – голос на послед-

нем слове предательски дрогнул.

– Ну, если вас не устраивает должность мэра, то на ваше усмотрение. Ограничений государство не ставит.

Мэр ошалело посмотрел на по-прежнему улыбающегося агента:

– Разве меня не снимут с поста?

Мужчина наклонился к самому уху мздоимца и доверительно зашептал:

– Если всех с клеймом снять, я уж не говорю посадить, то чиновничий аппарат страны оголится наполовину. Минимум. А это уже государственственный коллапс. А руководитель вы, в целом, не плохой. По крайней мере, Президент по работе претензий к вам не имеет, а когда избавитесь от злостной чиновничьей зависимости, то и подавно. Таким образом, вам предоставляется редкостный шанс оправдать высокое доверие. Да, я думаю, после сегодняшнего инцидента многие задумаются над своим поведением. Из тех, конечно, кто останется в живых и в здравом рассудке.

– Неужели нас так много? – скорее обрадованно, чем удивлённо спросил мэр, и совсем, как оказалось, не бывший.

Агент глянул на своих подчинённых, стоявших на достаточном расстоянии, чтобы не услышать его шёпота.

– Скажу больше, по секрету: все депутаты, весь кабинет министров, то бишь, наше правительство, ходят, кто рискнул выйти, в кепи с длинными козырьками и белых перчатках. Даже сам Президент, по такому знаменательному слу-

чаю, отменил все речи и перенёс все встречи, и только по телефону принимает наши доклады о проделанной работе. Вот такие обстоят дела. Только это между нами. Т-с-с-с, – и приложил свой палец к губам мэра. – Идите, пишите.

Но в этот момент затрезвонил телефон. Звонила жена. Градоначальник умоляюще посмотрел на своего спасителя:

– Товарищ начальник, можно ответить жене?

И человек, с ледяным взглядом и добрым сердцем, дал добро:

– Быстренько обрадуйте супругу и бегом к столу. Время не ждёт! Не вы у нас один. У нас ещё уйма работы... аж до полуночи.

День К. Новая шутка незнакомца

Глава 1

Примерно недели за две до очередного празднования Дня «К», государственного праздника, уступающего по значимости лишь Дню Великой Победы, у Президента ночью случился конфуз. Нет, конечно, не тот, что случается с маленькими детьми, пожилыми людьми и хроническими алкоголиками. Просто как-то совершенно неожиданно во сне ему открылась страшная тайна. Кто-то шёпотом, по большому секрету, сообщил ему, что его народ – подумать только! – его, Президента, не любит. И не то, чтобы совсем не любит, но в последнее время, прямо скажем, как-то недолюбливает. Не долюбливает до той степени обожания, которую он считал уже пройденной отметкой в легендарном марафоне к вечному сиянию славы.

И даже во сне он категорически отказывался в это поверить, негодуя и требуя доказательств. Но самое интересное то, что доказательства ему были незамедлительно предъявлены, однако, проснувшись, он совершенно их не помнил, хотя во сне, это он помнил точно, они выглядели настолько убедительными, что Президенту сделалось больно и тоскливо от такой чёрной неблагодарности и несправедливости. Он

ведь действительно свято верил, что творит сплошное благо и что-что, а уважать и любить его просто обязаны! От такого разочарования Президент проснулся злым. И он, конечно, мог бы плюнуть на подобную глупость, но его сильно беспокоили странным образом стёршиеся начисто из памяти факты и аргументы, казавшиеся во сне стальными, и которые теперь, уже находясь в сознательном уме и твёрдой, непреклонной воле, смог бы с лёгкостью опровергнуть.

Он сел на кровати, тряхнул головой и громко воскликнул, пытаясь, видимо, хоть таким образом отмести прочь сонное наваждение и убедить себя в полной несостоятельности каких-то дурацких и уже сильно туманных доказательств, представив всё, как типичный дурной сон. Самый обычный кошмар, от которого, почему-то, не застрахованы даже самые великие люди, к коим он, без всяких сомнений, причислял и себя.

– Да чушь всё это! Ерунда! Этого просто не может быть!

– Может. И даже, очень запросто.

Баритон, с лёгкой хрипотцой, раздался из темноты и, ничуть не напугав Президента, ещё больше его разозлил.

– Что-то давненько тебя не было?! – недовольно сказал он, включая ночное бра, висевшее прямо над головой. – С чем пожаловал на этот раз, шеф?

Вопрос был задан в ироничной форме с ударением на слово «шеф». Тёмная фигура, сидевшая в мягком кресле возле журнального столика, чуть зашевелилась, но осталась

на прежнем месте.

– Ну, во-первых, – ответила фигура, коей являлся всё тот же незнакомец, который в своё прошлое посещение помог Президенту нанести смертельный удар по коррупции, и в честь того дня Президент величайшим указом и учредил тот праздник, который был уже на носу, – для тебя я не просто шеф, и даже не босс. А если по большому счёту, то можно сказать – бог. Да, именно так. Поэтому, друг мой, всегда помни, кто является тебе другом! А во-вторых, – почему, вместо ошеломительной радости, я слышу непозволительную дерзость? Выказывать столь бесцеремонно чёрную неблагодарность тому, кто не раз в трудные времена приходил на помощь... это не просто хамство, а предательство и подлость. Эти качества я приемлю по отношению к другим, но жестоко, радикально пресекаю по отношению к себе. Неужели твоя мания величия зашла так далеко? Берёшь пример с друга и соседа?

Президент, осознав свою опасную оплошность, с трудом выдавил из себя скромные извинения, к коим он был совершенно непривычен, как, впрочем, и к скромности:

– Прости, друг! – Президент, с надрывом в голосе, на этот раз акцент внимания сконцентрировал на слове «друг», показав, как мог, глазами глубокое раскаяние, такое же глубокое уважение и безмерные верность и покорность.

Однако пронизательный гость увидел там нечто другое.

– Я даже отсюда, не глядя тебе в глаза, наблюдаю в тебе

лукавство, хитрость и изворотливость, – сказал он со смехом и, повысив голос на одну октаву, добавил. – Люблю таких, хоть и не шибко уважаю.

Президенту очень хотелось узнать, почему, но спросить постеснялся, хотя стеснительность в жизни ему была также чужда. А незнакомец задал новый вопрос, меняя тему разговора:

– Так что тебя так расстроило?

Глава государства глубоко вздохнул и на выдохе ответил:

– Я узнал, что мой народ, которому я служу верой и правдой, меня не любит.

Гость гадко хихикнул.

– Откуда информация? – строго спросил он.

– Да так, – Президент замялся, но решил рассказать всё как есть, – кошмар, понимаешь, приснился. – Потом шёпотом заговорщика разъяснил свои переживания. – Но происходило всё, как наяву. Мне даже страшновато стало.

– Тебе стало страшновато из-за такого пустяка? – недоверчиво спросил незнакомец. – Да будь это не сон, то с каких это пор ты стал бояться собственного народа? У тебя же столько верных псов: армия, МВД, спецслужбы, госбезопасность! А тут – какой-то народ?!

Глава государства свесил ноги на пол.

– В том-то и дело, – горестно, и в то же время зло, прохрипел он, всовывая ноги в тапки, – что и они меня не любят, а только притворяются. Лижут щедрую руку хозяина,

но в любой момент готовы на этой руке сжать челюсти. – И с ненавистью выплюнул в пустоту, – Лицемеры паршивые! Все!

– Ты дурак, – монотонно сказал гость и закурил сигару. – Народ своего повелителя должен уважать, а чтобы заставить его уважать, надо заставить его бояться. Так было всегда, так должно быть и в будущем. Если, конечно, хочешь счастливо править?!

– Очень хочется хотя бы просто править. Без войн и смут.
– Дорогой друг, ты должен знать, что это очень просто, – с усмешкой успокоил незнакомец, пуская дым в потолок. – Если, конечно, ты грамотный руководитель. В первую очередь, не ослабляй усилий на главном фронте – в заложенном, в крайне испорченной, а потому сильно уязвимой душе человека, стремлении к карьере, славе и обогащению. Честолюбие, тщеславие и алчность – вот три кита, на которых стоит этот пошлый мир. Всё остальное из этого вытекает и к этому прилагается. Требуется лишь умение ловко эти человеческие страсти использовать, попеременно поощряя и наказывая. Играть на парадоксах и антиподах: призывать к миру и вооружаться, неустанно пугая всех потенциальным врагом; постоянно убеждать своих подданных в своей любви и заботе о них, ни на секунду при этом не ослабляя стальной хватки на их горле; закрывать глаза на казнокрадство, не упуская случая жестоко за это же наказывать; объединяя людей в структуры, призывать к терпению и толерантности, и в то же вре-

мя сеять между ними семена раздора и соперничества. Пробуждать в людях гордыню. Именно она никогда не позволит им любить и уважать друг друга по-настоящему. А значит, они никогда не объединятся душевно. Но всё надо делать осторожно, в меру, чтобы не выпустить ситуацию из-под контроля. Разделяй и властвуй, но хитро и с умом. На взгляд дилетанта, это не так просто, но в этом как раз-таки и заключается мудрость правителя. И запомни главное правило – никогда не говори правды, никому не доверяй и... всех без исключения следует душить, душить и душить!

Президент, терпеливо слушавший, небрежно отмахнулся.

– Да знаю я это всё! Я же, всё-таки, историк!

– Извини, я совсем забыл, – весело согласился гость. – Ты же на все руки, ноги и голову мастер: и историк, и экономист, и агроном, и менеджер, и полководец, и хоккеист, и футболист, и... ну и так далее. Смотрит народ на такого умелого хозяина и ликует: «Какое счастье, что наш Президент на всё горазд! Какого рожна нам от жизни ещё надо?!»

Будь на месте незнакомца кто угодно другой, ему пришлось бы горько пожалеть о своей грубой иронии, но этот незнакомец был не просто старым знакомым Президента, но ещё его прямым куратором и покровителем. Да и не просто покровителем, а настолько грозным и могущественным покровителем, что он, Президент, с каждым годом смело повышающий степень своих полномочий без малейших опасений негативных последствий, покорно сносил бесцеремон-

ность и острые шуточки своего ночного посетителя, лишь изредка, как капризный ребёнок, топал ножкой и мстительно огрызался. Да и то лишь для собственной самооценки. Однако в самом тёмном уголке своей далеко не светлой души он боялся, опасаясь подвоха, восхищался до обожествления, и в то же время ненавидел самой чёрной завистью, готовый пожертвовать многим ради благосклонности, похвалы и помощи от своего таинственного визитёра.

– Я стараюсь идти по следам великих предшественников, – глухо сказал Президент и, медленно встав, подошёл к окну.

– Твои шаги слишком мелкие и неторопливые, чтобы за ними угнаться, – сказал гость и, не найдя на столике пепельницы, бросил огрызок сигары в вазу с цветами. – А время безжалостно.

Глава государства резко одёрнул руку от шторы и, быстро повернувшись к тени в кресле, настороженно спросил:

– Что ты этим хочешь сказать?

– Только то, что сказал. А разве я не прав? До каких бы пределов ни доходила человеческая власть, но она бессильна перед временем. Смерть безразлична к человеческой иерархии и беспристрастна, в своей неумолимости, к стонам и мольбам королей и президентов, олигархов и рабочих, гениев и бездарей. А следом время присыпает песком забвения и тех, и других, напоминая человеку о его ничтожестве. А все глупые потуги человечества обрести физическое бес-

смертие обречены на провал. Вследствие установленного закона, нарушить который не в силах куда более могущественные сущности, нежели человек. – Глянув прямо в глаза Президенту, усмехнулся и закончил. – Но этим занимаются только отъявленные идиоты, а ты мужик умный и практичный, кумекаешь, что к чему. Только уж слишком алчный. Это даже как-то мелочно для государя, хозяина целой страны.

Президент, насупившись, стал оправдываться:

– Я что, только для себя стараюсь?! Я изо всех сил стремлюсь сделать цивилизованное государство, культурное и в высшей степени высокотехнологичное, чтобы не краснеть перед всякими иностранными коллегами.

– Это правильно, – вдруг похвалил гость, – технологии и культура, это прежде всего. Технологии – для ума, культура – для души, чтобы умно и душевно разложить и то, и другое. Побольше зрелищ, побольше шоу – всяких и разных, – всё для культурного отдыха и получения удовольствий. Я тебе так скажу: труд и веселье – лучшие лекарства от ненужных мыслительных процессов. Хотя, признаюсь, во многих аспектах вы ещё здорово отстаёте от культурных и цивилизованных стран. Там, например, уже давно шоу свободной любви смешанных полов достигло таких высот, что, как у вас принято говорить, рейтинги зашкаливают. А у тебя что? Есть ростки, но экономишь на удобрении.

Президент вновь сел на кровать.

– Ну не нравится мне это, – тихо, но твёрдо ответил он. –

Противно, мерзко и гадко.

Послышался смешок:

– Тебя же никто не заставляет самому этим заниматься. Любой государь должен быть выше всего, стоять над всем – над законом, над моралью, над религией. Ты обязан быть зорким и очень дальновидным, чтобы видеть далеко вперёд, а не только считать паршивые деньги.

Глава государства с минуту молчал, а потом заявил:

– Я не могу пойти на это. Одно дело считать деньги, а другое дело откровенный, извращённый разврат. Его и так хватает в избытке.

– Мало, дорогой мой, мало, – увещевал гость. – А дети?! В культурных, цивилизованных, толерантных странах забота о детях, воспитание детей – наиглавнейшая задача, чтобы они росли свободными, без предрассудков. Без лживой скромности и лицемерной стыдливости. О-о-о, в этом отношении там такое шоу – залюбуешься! А у тебя до сих пор всё довольно уныло, патриархально.

Президент заёрзал на кровати:

– Не надо мне ля-ля, я помню, как было патриархально. А теперь?! Знаю я их воспитание! В гробу я видел такое воспитание!

И на этот раз, поборов боязнь, он проявил твёрдость, вынудив незнакомца на время отступить.

– Ну, ладно, оставим этот вопрос на потом. Я тебя не тороплю, но всё равно тебе от этого не отвертеться. К тому же,

первый шаг на этом пути тобою уже сделан.

– Какой? – спросил Президент, вглядываясь в силуэт.

– Не притворяйся, что не догадываешься, – в голосе гостя вновь послышалось насмешка, но уже с лёгким раздражением. – Структура социальной опеки над семьями сулит нам большую выгоду, когда родительское жёсткое, но душевное – с любовью – воспитание ставится под контроль бездушных наблюдателей. И ведь всё делается под благовидным предлогом высшей степени гуманности, когда становится недопустимым даже намёк на наказание детей. Скоро родители будут бояться нерадивому отроку закрутить ухо и поставить в угол. Сам понимаешь, какие при этом качества у детей начнут пробуждаться и крепнуть?!

– Да уж, понимаю, – недовольно пробурчал Президент.

– Ты должен осознать каждой клеточкой, каждой молекулой, каждым атомом и каждой хромосомой ДНК, что постепенно следует тонко и хитро человеческую жизнь обратить в шоу, в балаган. И судьбу, и веру, и религию, и искусство, и культуру, и политику, и войну, и любовь, и, наконец, как следствие, сама жизнь человека превратится в одно сплошное шоу, где уже нет нравственных запретов. И даже смерть человека становится популярной темой для массового обсуждения. Задурить обывателя так, чтобы он ничего не понимал, но был уверен, что знает всё. Поэтому делать это надо настолько серьёзно и ответственно, чтобы верила не только толпа, но даже ты сам в это поверил. Пришла

пора доказать на деле, на чьей ты стороне, а время нерешительности и уклончивости уходит, одной лояльности мало. Надо конкретными делами подтверждать свой выбор. Кое-кому нужно показать наглядный и окончательный пример. Массовый. Единицы не в счёт, их растопчет сама толпа.

Глава государства очень любил устраивать разносы другим, особенно публично, но по отношению к себе не мог терпеть даже дружеского совета. Наставления и призывы гостя его раздражали, и не столько сутью – для него всё сказанное было не ново, – сколько самим фактом наставлений и поучений. И он задал дерзкий вопрос, прекращая словесный поток надоедливому учителю, но не уходя от общей темы разговора:

– А вот хотелось бы знать, какая конечная цель твоего босса?

Незнакомец громко рассмеялся.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – весело ответил тот и вдруг стал серьёзным. – А старость уже давно перевалила горы и приближается с протянутой рукой, чтобы... нет, ещё не схватить за горло, но уже, чтобы постучать в твою дверь. А лишняя информация, тем более – такая, непременно вызовет страх и бессонницу, а это упадок сил. Так что, меньше знаешь – крепче спишь.

И тут Президент опять вспомнил ночной кошмар:

– Поспишь тут крепче, когда такие сны! Уже страшно спать, такое узнав. Можно и бунт проспять или, чего хуже – тьфу, тьфу, тьфу – революцию. Кто может дать гарантии

от подобных социальных катаклизмов? Ты можешь?

Гость, видимо, на этот счёт не имел либо точных сведений, либо полномочий эти сведения разглашать, поэтому попытался обратить всё в шутку:

– Обычно гарантии даёт страховая компания. Попробуй обратиться в Госстрах.

Глава государства заподозрил неладное:

– Ты нарочно уходишь от вопроса, чтобы скрыть что-то страшное?! Ну скажи! Не томи!

Незнакомец оставался невозмутим:

– Успокойся, ничего страшного тебе не грозит. Это всего лишь сон. Стыдно Президенту быть таким суеверным.

– Да сон уж больно реальный, – не унимался Президент. – А вдруг вещей? – И ему внезапно пришла чудовищно оригинальная мысль. – А не ты ли был инициатором этого сна? Сначала напугал, а теперь успокаиваешь?!

– Ты за кого, всё-таки, меня принимаешь? – с наигранной обидой спросил гость, но ответа не дожидался. – Чтобы я занимался такой мелочью?! Такими пустяками?! Это, дорогой мой, с твоей стороны очередное оскорбление. Сколько их уже было? Лично я сбился со счёта.

– Ну, извини ещё раз, – пошёл тут же на попятную Президент. – Это не я. Я не виноват. Шальная мысль буквально выстрелила в мозг.

Незнакомец был снисходителен.

– Хорошо, слушай дальше, – продолжил он, а Президент,

сделав глубокий вдох, набрался терпения. – Страх – вот главный, после упомянутых мной ранее трёх китов, стимул, который должен определять жизнь человека. И не обязательно, чтобы это был страх примитивного физического воздействия или устрашение наказанием лишения свободы. Свободы можно лишать, не лишая свободы. В первую очередь, вселить в души людей страх потерь, боязнь будущего, чтобы психологические весы постоянно вибрировали, никогда не удерживая стабильного равновесия. Держать человека, веселя и развлекая, в регулярном стрессе, подпитывающем его фобии – страх потерять должность, работу, имущество и тому подобное. А большой страх рождается только большим обманом. – А дальше опять послышалась ирония. – А вот то, что все стремятся изо всех сил обмануть друг друга и, несмотря на страх, многократно усиленный моей первой шуткой, продолжают брать взятки, это даже меня удивляет и поражает. Что же это за народ такой?! Будет тонуть, а когда ему протянут с одной стороны шест для спасения, а с другой – деньги, он, не моргнув глазом и не раздумывая, схватит эти цветные бумажки. Да-а, удивительный народ! Парадоксальный народ! Где былая распахнутость души? Где благородные порывы альтруизма? Мне кажется, резкое разрешение на неограниченное обогащение также резко пробудило в нём слепую алчность. Я, конечно, по своему статусу и своим прямым обязанностям ничего не имею против такого положения дел, но всё равно слегка опечален... чело-

веческой глупостью. А может он всегда был таким? Только скрывал это? Лицемерная добродетель и фальшивая интеллигентность? Или нет? Да-а, не часто мне попадались духовно стойкие, несгибаемые люди.

Президент, не перебивая, дослушал до конца речь, хотя последнюю тираду пропустил мимо ушей, и медленно, растягивая слова, переспросил:

– Да неужели после того, что с ними было, они продолжают брать взятки? Я отказываюсь в это верить!

Гость хмыкнул и спросил:

– В который раз готовишься отмечать сей праздник?

– В третий, – не понимая, куда тот клонит, ответил Президент, а потом зачем-то добавил. – Я даже по такому случаю сократил штат ОБЭП и собирался сделать то же самое в госконтроле.

– Правильный поступок, – опять похвалил незнакомец. – Хоть таким образом ты сократил количество крупных взяточников в этой сфере. И не останавливайся на достигнутом. Чистки сами по себе всегда полезны, хотя практической пользы от них кот наплакал. – И пояснил. – Если раньше, определённую сумму делили на троих, то теперь ту же сумму будут делить на двоих.

– Ничего не боятся, паразиты! – в сердцах воскликнул Президент и хлопнул кулаками о колени. – Надо, на всякий случай, опять основательно перетряхнуть всё правительство. Они же, сволочи, сначала думают о себе, как бы что

и побольше поиметь с должности, и только потом о деле. Да и о деле думают так, что получаются одни убытки. – И пояснил. – Для страны, но не для себя. Хоть к стенке их ставь!

– Я же говорю – удивительный народ. Упрямый и непобедимый! До слепого фанатизма. Если не в войне, так в алчности.

– И давно стали брать? – угрюмо спросил глава государства.

– Если точкой отсчёта брать сегодняшний день, то уже давно. Первая взятка была мной зафиксирована через четыре месяца после того весёлого дня. А потом понеслось – дрожали, но брали, брали и дрожали. Но эпицентр страха пришёлся на неделю до первой годовщины. Многие заблаговременно старались уйти в отпуска, другие делали себе «липовые» бюллетени, некоторые отчаянные головы решались на членовредительство – для полной убедительности и достоверности. А ты вспомни, сколько на тот период пришлось инфарктов и инсультов?! Ты ещё восторгался, что твои чиновники стали работать, не щадя сил и здоровья. От страха они теряли силы и здоровье. Но даже с ослабленными силами и пошатнувшимся здоровьем тянулись дрожащей рукой ко всему, что им протягивали. А уж когда без последствий прожили опасный день, то второй год стал рекордным по коррупции – твоя страна стала лидером по количеству взяток на душу населения.

Президент был подавлен и ошарашен.

– Почему же ты мне раньше об этом не сообщил? – строго, почти с криком, потребовал он объяснений.

И тут он увидел, как в полумраке ярко сверкнули глаза гостя.

– Ну вот, ещё одна дерзость, – хладнокровно констатировал тот, будто конспектировал дерзости для статистики. – Ещё раз вежливо спрашиваю, не многовато ли для одной короткой встречи? Хоть ты мне и друг, – при этом незнакомец хихикнул, – но...

– Истина дороже! – догадался Президент, но не угадал.

– Плевать мне на ту истину. Хоть ты мне и друг, но не забывай, кто кому служит. Я ведь могу и наказать.

– Ещё наказать? – изобразив страдание, спросил Президент и, устремив взгляд на ковёр, чтобы скрыть льющуюся из него хитрость, запричитал. – Куда уж больше наказывать?! Народ не любит, чиновники неисправимы, в силовых структурах нестабильность, во внешней политике постоянное лавирование. Я и так кручусь, как белка в колесе. Или, как уж на горячей сковородке. А ты... наказать ещё хочешь. Лучше помог бы!

– И что же ты хочешь на этот раз? – бархатным голоском спросил незнакомец.

Теперь уже глаза Президента вспыхнули коварной радостью народного мстителя, и он восторженно предложил:

– А давай ещё раз! Как тогда! Чтобы клеймо и сумма! Только на этот раз они так легко не отделаются! Теперь я им

устрою новую «варфоломеевскую ночь!»»

Но весь восторг был мгновенно потушен спокойным и холодным ответом:

– Я больше делать этого не стану.

– Почему? – хрипло спросил, сразу поникший, глава государства.

– Причина одна и она проста – я никогда не повторяюсь. Мне это уже не интересно. Скучно.

Президент, ожидая более жёсткой причины отказа в связи с недавней угрозой наказания, вновь воодушевился:

– Так придумай что-нибудь новое! Ты ведь мастак на такие штуки! Чтобы и весело, и сердито!

Незнакомец опять как-то гаденько хихикнул.

– Дёшево ты не хочешь, а под словом «сердито», я так понимаю, ты подразумеваешь материальную выгоду для себя? – спросил он.

– Исключительно и только для государства! – пафосно воскликнул Президент, и даже приложил правую руку к левой груди.

– Ну, естественно, ведь государство – это ты, – изрёк гость известную фразу и задумался. А потом вернулся к предстоящему празднику. – Ты, я слышал, планируешь доселе невиданные зрелища? Наверное, крупно вложился?

– Что такое деньги? – философски ответил Президент, но с лукавой искринкой в глазах. – Вздор! Конфетти, радующие глаз во время праздника, а после – сжигаемые с прочим

мусором. – И с грустью добавил. – Надо порадовать народ. Для народа готов на любые жертвы.

– Но ведь он тебя не любит? – спросил гость с недоумением. – А народ, не любящий своего правителя, не достоин даже конфетти.

Президент раздражённо вскинул голову и зло глянул в сторону тёмного силуэта.

– Сегодня не любит – завтра полюбит! – ответил он на высокой ноте. – К тому же, это всего лишь сон. Да и метод кнута и пряника ещё никто не отменял. А он почти всегда срабатывал.

– Тут ты прав, – согласился незнакомец и встал, – срабатывал всегда... почти. – И опять спросил. – А ещё я слышал, звёзд эстрады первой величины заманил?! Футбольный матч устраиваешь с участием мировых звёзд?!

– Да, – осторожно ответил Президент, не зная, к чему все эти вопросы, – зама... пригласил, устраиваю. А что в этом плохого?

– Ничего, – меланхолично ответил гость и, хмыкнув, саркастически заметил. – Скоро звёзд на земле будет больше, чем в небе. – После этого перешёл к делу. – Ну, ладно, уговорил, устрою ещё одну шутку по такому случаю. Только, вот, не знаю, кому будет весело, а кому может стать сердито.

Президент открыл было рот для искренних благодарностей, но последняя фраза его сильно смутила и вынудила временно рот прикрыть. И пока он собирался с мыслями,

чтобы задать хитрый, наводящий вопрос для уточнения, кому же, всё-таки, будет весело, а кому может вдруг стать сердито, гость сухо пожелал Президенту весёлого праздника и таинственно исчез.

Глава 2

Юрий, несмотря на завтрашний выходной день – в честь Дня «К» – и на сегодняшний сокращённый, по неизвестной причине был если не в подавленном, то в растерянном и смятенном состоянии духа. Причём – почти с утра. Что-то его гложило и терзало, выводя из чувства психического равновесия, отчего он, не находя причины своим внутренним метаморфозам, нервничал и моментами даже злился. Что было ему совсем несвойственно.

Лишь к концу смены он немного успокоился, заметив такой же душевный дискомфорт у своих коллег и подчинённых. Верящий в силу аналитического ума и в могущество логического мышления, всю дорогу домой Юрий пытался связать логическую цепь из звеньев умозаключений, с помощью которой надеялся укротить свою эмоциональную химеру, состоящую из головы печали, туловища грусти и длинного хвоста депрессии. Однако ничего путного не получалось. Видимо, потому, что духовные и душевные неполадки никакой логикой решить невозможно. Но Юрий, по натуре человек упрямый и настырный, не сдавался и упорно продолжал искать крохотную деталь – отправную точку, – с которой утреннее позитивное настроение сначала приблизилось к нулевой отметке, а потом и вовсе ушло в отрицательную сторону шкалы системы координат. Он применял и дедук-

цию, и индукцию, но в голову упрямо лезли всевозможные формулы, давно забытые, но каким-то чудом извлекаемые из самых глубинных недр памяти.

И Юрий готов был бы прийти в восхищение от этого крайне удивительного события, если бы не очевидный факт их нелепости и полной бесполезности в данном конкретном случае. Стоило ему начать рассуждения о зародыше дурного настроения, направляя мысли на поиск исключительно внешнего раздражителя, как тут же мозг, странным образом, давал сбой в программе и выдавал формулы из разных областей знаний. Из математики всплывали уравнения и функции, из геометрии – формулы расчёта площадей не только плоских, но и выпуклых фигур, которые он не просто давно забыл, а которые Юрий и в молодости слабо помнил. А вот физика напомнила о себе философским и демагогическим словом свобода – свободная энергия, свободное падение, свободные заряды. Но самое удивительное произошло, когда в спор вмешалась химия, без всяких реактивов и катализаторов вытолкнув в шею все предыдущие науки, она ярким неоновым светом высветила в мозгу растерянного Юрия одну крупную формулу – C_2H_5OH . К чему бы? Он, может быть, и употребил бы эту формулу в разбавленном виде, но не хотелось. Категорически. До отвращения. Но, как оказалось, не ему одному. Группа рабочих из его цеха, шедшая впереди, с минуту вяло посовещалась, а потом дружно прошла мимо излюбленного места – бара, чего раньше никогда

себе не позволяла.

Сей удивительный факт подтолкнул Юрия к открытию, что причина кроется не в частном, а в общем – странное происходит не с его отдельной личностью, а с обществом в целом. И, желая быстрее подтвердить свою догадку, он, со словами: «Интересно, какое настроение дома?» – ускорил шаг. А по дороге работающий сегодня автономно мозг самопроизвольно вывел новую дилемму – внешний раздражитель на личность или внутренний – на массы? И если первое выглядело типичным, то второе – абсурдным.

Открыв дверь своим ключом, Юрий снял кепку, куртку, переобулся в тапочки и сразу прошёл на кухню, ожидая увидеть жену именно там. Ожидание не оправдалось – приятный запах приготовленной пищи был, но жены не было. Зал был также пуст, а телевизор выключен. Сегодня по непонятной причине это его насторожило. Со смутным недобрым предчувствием он метнулся в спальню и увидел жену, лежащую на кровати и, как ему показалось, та не дышала.

– Лариса! – крикнул Юрий, бросившись к жене и яростно потрянув ту за плечо.

Испуганная и сонная жена вскочила и хрипло спросила:

– Что? Что случилось?

Муж облегчённо выдохнул и опустился на кровать.

– Извини, – глухо сказал он, взяв её за руку. – У меня сегодня какое-то душевное беспокойство. Тревога. Что-то вроде предчувствия чего-то.

– У тебя тоже? – удивлённо спросила Лариса и придвинулась к мужу. – А я думала, это только со мной. И ведь с утра всё было замечательно: отпуск, опера, весна, праздник, а потом появилась какая-то настороженность, следом – апатия, начали одолевать грустные философские думы, что совсем выбило меня из привычной колеи. Преодолевая себя, я приготовила обед, покормила детей, и очень захотелось прилечь. Легла, закрыла глаза, а мысли в голове кружатся, вертятся, суетятся, будто за очень короткий срок хотят мне обо всём рассказать. Так, наблюдая собственные мысли в картинках, я и не заметила, как уснула. А сейчас вроде и настроение поднялось: все живы и здоровы. И все дома. – И вдруг спохватилась. – Ты же голоден! Пойдём на кухню, я тебя покормлю.

Юрий принялся с аппетитом есть, а Лариса, присев на табурет напротив, стала рассуждать:

– Ты помнишь, как я обрадовалась, когда ты купил билеты на оперу, где главную партию будет исполнять мировая звезда? – муж кивнул, продолжая жевать. – Этот обворожительный, гипнотизирующий тенор заставлял трепетать моё сердце, когда я его слушала, а тут... увидеть воочию?! Я была на седьмом небе от счастья! Но сегодня вдруг поняла...

Юрий замер, проглотил пищу и с интересом спросил:

– Что поняла?

– Я поняла, что как же низко находится моё седьмое небо. А ведь у других оно ещё ниже!

– Почему? – муж удобно перешёл на детские вопросы.

– А ты сам подумай. Вот что тебя заставляет восторгаться или злиться, когда ты смотришь свой футбол или хоккей? Ты же и себе с сыном устроил праздник, купив билеты на футбольный матч мировых звёзд?! Ну?

Юрий, поблагодарив за обед, отодвинул тарелку.

– Эмоции, – подумав, коротко ответил он. – Это зрелище. Оно захватывает и не отпускает.

– Наркотики! – неожиданно выпалила Лариса.

– Какие наркотики? – не понял Юрий. А может, просто сделал вид, что не понял, ведь он был вообще человек умный, а сегодня особенно. Почему-то. Вот только все пробивающиеся светлые мысли он глушил логическим мышлением, и это противостояние вылилось в суррогатный поток бесполезных формул.

– Ты сам ответил – эмоциональные. Но воздействующие не менее сильно, а может и мощнее, на наши сознание и душу. Ты хоть представляешь, сколько наркотиков нас окружает?! Тысячи! И как только мы теряем чувство меры, то подпадаем под их полное влияние и контроль. Мы становимся, как и все наркоманы, наркозависимы, только, в отличие от них, мы зависим от зрелищ, хобби, увлечений, превращаясь, попросту говоря, в эмоциональных маньяков. Зомби. Дорогой, ты не маньяк?

Дорогой, без намёка на улыбку, пошутил:

– Ещё хорошо, что не сексуальный.

– Да, наверное, – не менее серьёзно согласилась Лари-

са. – Хотя, – добавила, улыбнувшись, – учитывая, что мания, это страсть, не помешало бы чуточку больше этой самой мании-страсти, но, конечно, без садизма и прочих излишеств, с которыми непременно ассоциируют всех сексуальных маньяков. – Однако, не желая заикливаться на второстепенной на данный момент теме, жена спросила более конкретно. – Вот скажи, Юра, честно – ты спортивный маньяк? Или, как это... фанат?

Муж вяло возмутился:

– Нет, ну это уже перебор. Маньяк... фанат... обычный спортивный болельщик со стажем. Переживаю, конечно, болею, но чтобы сходить с ума или, скажем, в порыве гнева устраивать скандалы и крошить мебель...

– Этого ещё не хватало! – перебила Лариса. – А ты ни разу не задумывался, болельщик со стажем, что вы, болельщики, переживаете и болеете куда больше самих игроков, их тренеров и даже хозяев команд. Как думаешь, что их всех больше всего интересует и их объединяет?

– Ну, Лара, не надо меня держать за ребёнка или за дурака. Это элементарно. Хозяев интересует прибыль, и всё, что её приносит, а игроков и тренеров – карьера: титулы, награды, деньги. Но совсем другое дело – игры на международном уровне! Сборная! Честь страны!

Лариса недружелюбно ухмыльнулась:

– Я уверена, что ты всё понимаешь, просто дразнишься. Ладно. В чём ты видишь честь страны? В том, допустим,

что сборная выиграла чемпионат мира? Олимпиаду? Прекрасно! Но для кого в первую очередь? Юра, ты же умный, образованный мужик, неужели не понимаешь простых вещей? Выигрывает сборная – выигрывает правитель, выигрывает спортсмен – опять же выигрывает правитель. Уже давно из всех видов бесполезной человеческой деятельности именно спорт стал своеобразным политическим противостоянием государств. Ну, после постоянной демонстрации оружия, конечно. Страна, в лице правителя, повышает свой политический статус, спортсмен получает награды за ненужное ни одному человеку достижение, а сумасшедший болельщик, как идиот, ликует от счастья за тех и других. Юра, я сегодня узнала принцип существования всех государств. Он прост, как и всё гениальное. Человек государству должен всегда, государство человеку – никогда! И если оно что-то даёт, то ты должен отдать втройне. Формула элементарна.

Юра поморщился, услышав слово «формула».

– Да всё я понимаю! – раздражённо ответил он, удивительно быстро согласившись с женой. – Да, очень многое в этом мире несправедливо до уродливости и дикости! Когда плывёшь по поверхности, то ещё вроде ничего, но стоит нырнуть на глубину, так сразу захлёбываешься от негодования. Спортсмены, деятели культуры и искусства от земных владык получают деньги, квартиры, автомобили, ордена, звания, регалии, не совершив, по сути, не только ничего героического, но и полезного, а по телевизору, по всем

каналам, неустанно крутят ролики с криками души родителей о помощи для их больных детей. Обращаются к людям, потому что больше обратиться не к кому. Даже дурак должен понимать, что в этой системе что-то неправильно, что-то больное, когда на здорового человека государству денег не жалко, а на больного ребёнка плевать.

– Вот! – воскликнула Лариса. – И где честь государства? А честь государства заключается в том, чтобы человека низкого сословия заставить работать дольше и лучше, чтобы человек высшего сословия также жил дольше и лучше. И ладно бы мы, но дети... Это уже не просто цинизм, а откровенная трансляция жестокости политической и финансовой власти.

У Юрия, от человеческой обиды на социально-политическую несправедливость, увлажнились глаза.

– И как это назвать, – сказал он, всхлипнув, – когда здоровый мудака, гоняющий в своё удовольствие по полю мяч, получает миллионы, а работяга, глотающий пыль и дым, гроши? И если для врача, учителя, инженера – это просто унижение, то для пахаря и рабочего – наглый плевок в лицо.

– Да, милый, вот так насмешливо устроен наш мир. Точнее, это человек так паскудно насмешливо соорудил свой мир. Но насмешливо, это когда нет жертв, а когда они есть... Вот, взять хотя бы этого самого тенора, имеющего мировую славу и немалое состояние. В чём его заслуга? В том, что у него есть голос? Но голос, это не его заслуга, это – дар, дан-

ный природой. – Подумав, поправилась. – Данный выше. Даже спортсмен в этом отношении стоит несравненно выше, потому что, кроме данных Богом способностей, он неустанно должен совершенствовать своё мастерство. Я, конечно, согласна, что пение – это тоже труд. Да, певец тоже испытывает нагрузки и, может быть, потеет до мокроты рубашки. Но даже десять таких певцов не дадут за концерт столько по-та, сколько даёт за смену один рабочий сталелитейного цеха! Ведь так, Юра?

Юрий, как начальник именно такого цеха, согласно кивнул головой, а Лариса и не собиралась останавливаться:

– Но самое страшное то, что человек, ослеплённый гордыней, всякий Божий дар приписывает исключительно себе и все получаемые блага считает заслуженными настолько, что тратит их на прихоти и глупости, забывая о несчастных, которые вынуждены существовать на грани жизни и смерти, и которых он мог бы хотя бы попытаться спасти.

Муж открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел.

– Хотя нет, – темпераментно продолжила жена, – есть ещё кое-что пострашнее. Те тысячи посредственностей, раскрученных ушлыми продюсерами и возомнившие себя мегавёздами, которые переплюнули в своей гордыни и алчности даже людей даровитых! Это уже не культура, не искусство – это самый настоящий шабаш! Да, шабаш нечисти. – Лариса умолкла, но лишь для того, чтобы перевести дух и победоносно закончить свою разоблачительную и обличительную

речь. – Но что меня окончательно убивает среди всех многочисленных зрелищ, так это массовая пропаганда жестокого, кровавого насилия под маской лживой добродетели. Мол, добро всегда побеждает зло, а хорошие парни калечат и убивают плохих. Насилие – это всегда насилие, а убийство, при всех смягчающих обстоятельствах, всё равно остаётся убийством. Но и это не всё! Секрет в том, что не будь на эту продукцию спроса, то не было бы и производства. А это значит, что виноваты не только производители этой псевдокультуры и псевдоспорта, но и потребители, то есть – мы, готовые с обожанием пожирать этот мрак, да ещё платить за это уродство деньги. И возможно, что, в своей скрытой порочности, мы, потребители, намного хуже их, производителей. – И уже на выдохе. – Это ужасно!

На этот раз Юрий свой шанс не упустил:

– Что-то, Ларочка, ты сегодня разошлась, – сказал он, улыбнувшись. – Я тебя такой никогда не видел... и не слышал. Как на митинге или на собрании.

Жена смутилась:

– Да я сама не понимаю, что со мной. Вот так и прёт всё это из меня. И хочется говорить, говорить, говорить. Как будто туман, окутывавший мозг, рассеялся, и стало всё ясно и понятно. Будто всё время был вечер и вдруг наступил рассвет, и все предметы ты уже видишь совершенно другими, не такими, какими они казались в полумраке. – Через паузу добавила. – Всё довольно противно и страшно. Оскар

Уальд был, конечно, прав, когда говорил, что всякое искусство совершенно бесполезно, но он не учёл, что только человек может ухитриться превратить бесполезное в не просто полезное, а в очень ценное и выгодное, как с материальной стороны, так и с нравственной.

Муж мгновенно поддержал. Видимо, мозговой туман у него тоже рассеялся.

– С идеологической, – сказал он, целуя жене руку, будто говорил с ней о любви. – До двадцатого века она не имела ещё такого осязаемого влияния, столь катастрофического масштаба, которые приобрела эта растреклятая идеология с тотальным приходом к власти диктаторских режимов и с невиданным скачком научно-технической мысли. Именно двадцатый век всё расставил на те места, с которых и сегодня нами управляют и манипулируют. Двадцатый век явился тем «рубиконом», который перепрыгнуло, не задумываясь, а даже восхищаясь, человечество, не понимая до конца, что нам сулит в будущем триумvirат из технологии, идеологии и человеческой мизантропии. А культура, искусство и даже спорт были вынуждены поступить на службу идеологии, чтобы иметь от власти то, чего никогда не добудешь, выращивая хлеб или вытачивая деталь. Ведь даже все эти песни, пляски и цирки несут в себе идею. Они должны не только развлекать, но и отвлекать человека от насущных проблем. От раздумий. От поиска самого главного. Принцип Геббельса жив и успешно работает – «развлекая, отвлекать».

Они сидели за кухонным столом, сцепив вытянутые руки, и с печальной нежностью смотрели друг другу в глаза.

– Одни должны отвлекать, – уже без всякого темперамента продолжила Лариса мысль мужа, – другие должны воспитывать в нужном для кого-то направлении, третьи – запутывать. Как человек, гомо сапиенс, может быть таким наивным и примитивным? Как человек разумный может смотреть все эти многочисленные идиотские шоу?! – И вдруг интонация голоса повысилась. – Как мы могли смотреть всю эту галиматью?! Какие же мы все бедные и несчастные! Нас убивают, а мы этого не чувствуем и не понимаем абсолютно, будто не из плоти и крови, а из проводов и деталей. В одном стихотворении, не помню автора, мне запало в память одно четверостишие, которое до конца я осознала только сейчас:

Атакуют мозг и не скрывают,

Что бой ведут по всем фронтам.

И не дома, а души нам взрывают,

Убивая Бога, который ещё там.

Убивая душу, в нас убивают любовь истинную, возвышенную и жертвенную, подменяя страстью инстинкта и холодом чувств, когда пульс учащается от физических движений, а не от мысли о встрече с возлюбленной или возлюбленным. И если пойдёт так дальше, то в будущем каждый человек станет иметь ледяное сердце, как Кай из сказки о Снежной королеве.

– И если такое происходит с нами, – сказал Юрий, крепко

сжав в своей ладони руку жены, – то что говорить о детях?! Их неокрепшие души и умы калечат с самого раннего детства. Полная подмена ценностей, многочисленные детские шоу, скопированные со взрослых, уродливые игры в интернете.

– Вот ещё один мощный наркотик, в сравнении с которым все остальные блекнут, как электрическая лампочка перед Солнцем. В липкую паутину интернета – и смешно, и грешно – уже попадают не только мошки, но и взрослые, а то и старые мухи. И если на последних можно было бы махнуть рукой, то дети... какое они готовят себе будущее? Или им готовят?

Юрий первым решил разбавить чёрный негатив разговора более светлым позитивом, на его взгляд, переведя беседу с абстракции на конкретику.

– А давай завтра вечером не пойдём в оперу? – тихо предложил он, нежно поглаживая руку жены.

– А как насчёт твоего дневного матча по футболу? – спросила Лариса, с лукавой усмешкой глянув мужу в глаза.

– А ну его! – без тени сомнений отмахнулся супруг, к немалому её удивлению. – Мировой футбол превращается в театр-пантомиму звёздных недотрог и симулянтов. Смотреть противно! Честное слово! Вот только Игорёк...

Неожиданно глаза Ларисы блеснули и она воскликнула:

– А как здорово было бы завтра поехать в деревню!

– К моим родителям? – удивлённо спросил Юрий.

– Ну да, естественно, к твоим. Мои-то живут в городе.

– Да, но дети?! И если с Игорьком ещё можно попытаться затеять разговор на тему футбола, то Света... вряд ли пропустит вечерний карнавал на Главной площади и концерт своих кумиров?!

– А чего мы гадаем? Пойдём и спросим! – и шутя добавила. – Как следует.

Родители вошли в детскую комнату, когда-то одну, а теперь разделённую на две равные части, и замерли от неожиданного зрелища. Это был шок средней тяжести – их дети, лёжа на кроватях, читали книги. И это были не учебники, которые через силу приходилось брать в руки, а настоящие бумажные книги, именуемые художественной литературой, давно пылившиеся в двух книжных шкафах среди многих отечественных и зарубежных классиков, а теперь протёртые от пыли и возрождённые к жизни. И кем? Их детьми, которые до сего момента эти шкафы не замечали, будто их не было вовсе.

Мать стояла молча, приходя в себя, а отец воскликнул:

– Вот это да! Сегодня в лесу какой-нибудь охотник обязательно найдёт здорового мёртвого лося. Я мог ожидать чего угодно, но только не этого! Если бы меня попросили угадать, предоставив бесконечное количество вариантов, чем занимаются мои дети в своей комнате, я бы встретил старость, выдвигая версии.

Пятнадцатилетний сын Игорь удовлетворённо хмыкнул,

а дочь Светлана, семнадцать лет от роду, заявила:

– Это говорит о том, папа, что ты плохо знаешь своих детей. Если не хуже – плохо о нас думаешь.

Радостный папа даже не стал спорить с таким категоричным и несколько оскорбительным, пусть и сказанным в шутовском тоне, упрёком. Тем более, если его незнание скрывало лучшие стороны детей. Но, как оказалось, это было ещё не всё.

– Ну, сынок, позволь полюбопытствовать, что тебя привлекло в нашей домашней библиотеке?! – сказал он и направился на половину Игоря.

Матери ничего не оставалось, как пойти полюбопытствовать к дочери, про себя уверенно полагая, что та читает какую-нибудь романтическую сагу о любви. Но и мать и отец были потрясены выбором своих детей. Это был второй шок, но на этот раз степень его была выше средней тяжести.

– Я не знаю, мать, – сказал громко Юрий, – насколько произвела впечатление на тебя наша дочь, но сын меня сразил наповал. Ни за что не угадаешь, кого этот юнец штудирует?!

Послушав секунд десять тишину и не дождавшись ни одной версии ни от одной дамы, он, ничуть, впрочем, не обиженный, объявил:

– Этот неоперившийся птах пытается взлететь высоко в облака, чтобы постичь самого Бердяева! Каково?! Даже я, уже имея высшее образование, когда замыслил вникнуть в суть его творчества, был вынужден отступить.

Раздался ироничный голос Ларисы:

– Ты вспомни, как ты вникал. Представьте, дети: смутные и страшные девяностые, вокруг развал, неразбериха, народная растерянность. Хватались за любую работу, крутились, как кто мог, уставали как собаки, а тут ваш отец по случаю приобрёл у какого-то бедолаги неизвестного у нас философа Бердяева. Он полгода по вечерам засыпал на пару с ним, но так и не дочитал до конца ни одного его произведения. Как сейчас помню, называлось оно – «О назначении человека».

Дети рассмеялись, а оскорблённый отец шутливо парировал:

– Да, но я засыпал, окрылённый благородными мыслями и с верой в благоразумие человека. А в те годы порядочному, честному человеку без веры и оптимизма было не выстоять.

– И без трудолюбия, – добавила жена. – Но тогда мы были молоды и самоуверенны. К тому же, вас, детки, ещё не было даже в самых отдалённых проектах.

– Так что же читает наш первый проект? – спросил Юрий и сделал предположение. – Небось, «Лолиту» Набокова?

Но в ответ услышал голос не дочери, а опять жены:

– Если бы! – воскликнула та. – Даже я, филолог по образованию, этой книги так и не дочитала до конца. Ну, ещё версии есть?

Юрий усмехнулся, подмигнул сыну и сказал:

– Нежели «Декамерон» Боккаччо?

Лариса рассмеялась.

– Твоя неуклюжая попытка мести, дорогой, потерпела крах, – ответила она. – Эту книгу, к твоему сведению, я прочла.

– Ну да, конечно, – не поверил муж, – точно так же, как я Николая Александровича. Я очень хорошо помню, как этот фолиант каждый вечер ударял тебя по носу, когда ты пыталась читать его на ночь, и он угомонился только после того, как ты запихнула его обратно на полку, а сама переключилась на более лёгкую весовую категорию книг – брошюры Марининой и Донцовой.

Но решающий удар оказался за женой:

– Зато ты не можешь помнить, когда я, находясь в декрете, прочитала и её, и многое другое – в твоё отсутствие и в своё удовольствие.

– Всё, сдаюсь, – капитулировал Юрий. – Причём, по всем фронтам и направлениям. – И затих, ожидая развязки.

– То-то же! – победоносно сказала Лариса, тут же проявив к побеждённому великодушие. – Я дарю тебе прощение, потому что в то время ты вёл героические бои на трудовом фронте. – И уже после этого перешла к развязке. – Наша дочь читает роман Достоевского!

Юрий, конечно, был удивлён, но он понял, что это ещё не вся развязка, потому что, наверное, Достоевского читали многие и изучали в школе, и тайна кроется в чём-то другом. Всё дело, видимо, в романе?! И он вновь рискнул предполо-

жить.

– Неужели «Униженные и оскорблённые?» – спросил с оттенком иронии в голосе.

– Ты опять проиграл, дорогой, – разочаровала супруга. – Это роман, – она выдержала паузу, – «Бесы», которых, кстати, я, к своему стыду, так и не осилила в молодости.

Муж не стал ни упрекать, ни оправдывать жену в её раннем филологическом проступке, а обратился с вопросом к детям, мимолётно, правда, подумав, что сегодня автор был бы шокирован их количеством:

– Игорь! Света! Что с вами случилось? Что-нибудь произошло в школе?

Первым ответил Игорь:

– Да ничего не случилось. Просто настроение какое-то странное и непонятное.

– Да, – включилась в разговор Света, – и желания странные. Да и не желания, а... как бы это сказать... – потребности, во! Да и в школе...

– Что, в школе? – настороженно спросила Лариса.

– Тоже всё не так, как всегда, – ответил Игорь. – И учителя, вроде те же, а вроде и другие. Не такие, как обычно.

– Ну, со взрослыми ладно, – облегчённо вздохнула мать, – они сами с собой разберутся. А что с вами? Как же компьютер после школы? Смартфоны?

– Как видишь, всё на месте, – пошутил Игорь.

– Я вижу, что на месте, но почему вы не на привычном

месте? Я начинаю волноваться.

– Так что, чтобы тебя успокоить, надо тупо сейчас влезть в комп или смартфон? Тогда будет всё нормально? – вспылил Игорь.

Оправдания матери опередила дочь.

– Успокойся, мама, – утешила Света, – всё нормально. Просто нам сегодня очень сильно захотелось почитать какую-нибудь умную книгу.

– Да, захотелось почитать, это пусть и нонсенс, но всё равно я понять ещё могу, – Юрий, не удовлетворённый таким ответом, докапывался до сути. – Но выбор книг! Игорь, ладно, он любит прикалываться, потому что иначе я это назвать не могу, но...

– Да не прикалываюсь я! – обиделся сын. – Ну не знаю, почему я выбрал именно эту книгу! Рука сама к ней потянулась.

– Хорошо, – согласился отец, – пусть так. Но ты, Света, девушка самого романтического возраста, почему «Бесы»? Я бы ещё мог понять, если бы, скажем, «Преступление и наказание», или «Подросток», да даже «Братья Карамазовы»! Но «Бесы»?!

– Папа, мама, – дочь обратилась к родителям с успокоительной речью. – Я тоже ничего объяснить не могу и удивлена не меньше вашего. Ну вот захотелось и всё! Как будто кто-то подсказал или подтолкнул взять именно эту книгу. О чём, кстати, я теперь несколько не жалею, и пока мы все друж-

но попусту болтаем, время уходит, а я ведь могла читать. А, в общем и целом, всё хорошо. Все живы и здоровы, а главное – счастливы.

– Извини, доченька, я не подумала, что для тебя это так важно, – нежно проворковала Лариса, а Юрий, посчитав момент самым благоприятным, перешёл к главному:

– Когда всё хорошо, это очень хорошо! Но для полноты жизни, здоровья и счастья человеку просто необходимо вырваться из удушающей суеты города на лоно природы...

– Предлагаете махнуть на деревню? – осведомилась из своей половины сообразительная дочь.

Ответила Лариса:

– Да. Мы тут с папой посоветовались, и я решила... – она нарочито сделала паузу, чтобы все улыбнулись, – завтра с утра поехать к бабушке и дедушке. Они старенькие, а мы их так редко навещаем. Нет, мы с папой, конечно, понимаем, что у вас на завтра свои планы, но мы очень просим вас всё обдумать и дать ответ – вы с нами или останетесь дома?

Юрий смотрел на сына в его комнате, а Лариса – на дочь в её половине. Родители, почему-то, волновались.

– Па, а как же футбол? – с хитринкой в глазах задорно спросил Игорь. – Ты, помню, сиял от радости, когда показывал мне билеты?!

– Я не думаю, сын, что какой-то футбол может принести больше радости, чем встреча с родными, дорогими людьми. Разве не так? Другое дело ты?!

Игорь, к удивлению родителей, сначала возмутился а потом согласился:

– Разве я сволочь? Я тоже люблю всех своих бабушек и дедушек! А футбол... тоже мне, футбол! Цирк, а футболисты – клоуны! Насмотрелись на прошлом чемпионате мира! Своими падениями и гримасами боли достали! Унижают себя, болельщиков и футбол. Какая-то пошла эпидемия, и то все. Даже звёзды занимаются клоунадой – и Роналду, и Месси, а король клоунов – Неймар. Поголовно разукрасили себя идиотскими тату и думают, что теперь они крутые парни и мужества им не занимать! Раньше так делали дикари и эти... ну как их? В тюрьме которые. Заключённые! Ну и нафиг мне на них смотреть! Да ещё в каком-то развлекательном матче!

Юрий облегчённо вздохнул и воодушевлённо крикнул:

– Мужчины согласны! Что скажут дамы?

– Дамы, в принципе, тоже согласны, – спокойно ответила Света, задумчиво глянув в окно. – Только завтра, вообще-то, я весь день планировала провести за чтением.

– Доченька! – воскликнула счастливая мать. – Лишь бы было желание читать! А когда у человека есть желание, то время на это он всегда найдёт. Как здорово! Как я рада, что мы все вместе! – Потом вдруг спохватилась. – А как же твоя вечерняя тусовка? Звёзды эстрады? Ведь неизвестно, во сколько мы вернёмся.

– Да ну их! – резко выпалила Света, а на лице отразилось пренебрежение, граничащее с отвращением. – Когда ещё му-

зыка, песни – вроде кайф, хотя сегодня начала подозревать, что и этот кайф – иллюзия. А если взять в жизни... внутри... звезд всё больше, а мрак всё гуще. – И неожиданно спросила. – Ма, а как же твоя опера? Ведь второго шанса увидеть и услышать уже может и не представиться.

– Ах, милая моя, даже сотни тысяч кумиров не стоят одного семейного счастья! – воскликнула Лариса и поцеловала дочь в щёку. – И не зря ведь сказано, что нельзя создавать себе кумиров. – Улыбнулась и добавила. – Вредно для здоровья. Итак, решено, – завтра едем!

– А как же билеты? – не унималась вдруг ставшая практичной Света. – Два на футбол, два в оперу, один на концерт – деньги не малые?!

– Эх, ребята! – сказал Юрий, вставая. – Вам же мама только что сказала, что за деньги можно купить сотни тысяч кумиров, но и одного счастья ни за какие деньги не купишь! Пусть это будет подарком счастливых людей богатым и знаменитым людям. Хотя, я думаю, они вряд ли сумеют оценить нашу щедрость.

Глава 3

Две недели прошли для Президента в обычном рабочем режиме: рауты, визиты, выступления, взбучки подчинённым. Говоря одним словом – в заботах. Но особое внимание он, конечно, уделял предстоящему празднику, размах которого в этот раз был настолько широк, что даже сам Президент, как ни старался, не смог увидеть последние нули, уходящие за горизонт расходной сметы. Той суммы, которая была потрачена на его проведение, и уж совсем не имел представления о тех совсем не пустых нулях, которые извлекли из этого числа старательные чиновники на свои карманные расходы.

Но Президент не переживал по этому поводу, потому что для своего народа он был готов и на большее. А ещё потому, что был уверен: несмотря на страшный, но глупый сон, народ его уважает, любит и в благодарность за его, Президента, заботу проявит патриотизм и покроет все расходы с лихвой. И все предпосылки к этому были. Билеты по всей стране и абсолютно на все мероприятия разошлись через кассы, интернет, общественных распространителей и руководителей всех мастей и оттенков ещё за неделю до праздника, и Президент, радостно потирая руки, рассчитывал на массовый народный ажиотаж. Однако, как говорится в народной мудрости, Президент предполагает, а...

Первые смутные предчувствия обещанного незнакомцем подарка в виде шутки, он почувствовал ещё ранним утром – за завтраком. Невесть откуда появилась изжога, а следом за ней Президент поперхнулся. И хотя он благополучно выплюнул кусок бутерброда, больше есть не стал и настроение его резко ухудшилось. Пришли на ум последние слова, брошенные незнакомцем перед уходом, которые глубоко врезались в память, и этот рубец не заживал все две недели тяжких президентских хлопот, забот и мытарств. И хотя Президент и считал того своим другом, но он, без всяких сомнений, допускал мысль, что его куратор способен выкинуть любой фортель, вплоть до злого сюрприза. Однако, анализируя их долгое сотрудничество, он всецело тому доверял и надеялся на лучшее. И не просто на лучшее, а на прибыльно лучшее. Шутки шутками, а как ни крути, они всё-таки с незнакомцем друзья! И если не закадычные, то старинные. Так думал Президент. Все две недели. До самого утра праздничного дня.

Второй сигнал тревоги уже никак не подходил под категорию смутного интуитивного предчувствия, а явился вполне конкретным сообщением лица, непосредственно ответственного за проведение и безопасность народного праздника.

– Ваше величество, – сказала лицо дрожащим голосом, – мне это тяжело говорить, но, как ни прискорбно, я обязан поставить вас в известность, что традиционные шествия в го-

родах и населённых пунктах идут крайне вяло и малочисленно.

– Почему? – строго спросил Президент.

– Сам ничего не понимаю, – искренне ответил ответственный чиновник, а его блуждающий взгляд действительно выражал полную растерянность, страх и неподдельную скорбь. – Ведь народ так полюбил это мероприятие!

– И где этот народ теперь? – Президент метнул испепеляющий взор, которым уже не раз сжигал своих подчинённых прямо на их рабочих местах, и погорельцы в жутком испуге покидали свои высокие должности, а иногда и домашний многоэтажный уют. – Чем мой народ занимается?

– Как сообщают надёжные источники, со вчерашнего дня что-то произошло, наверное, в атмосфере, потому что большинство людей впало в какую-то непонятную философскую меланхолию. Они стали избегать массовых соборщ, а предпочитают подозрительные локальные уединения. И на данный момент многие сидят по домам, другие уехали в деревни или на дачи, третьи, уединившись, гуляют за городом либо в одиночестве, либо парами. Всё это очень странно.

Доложив обстановку, ответственное лицо опустило голову, а Президент, ударив кулаком по столу, закричал:

– Не доглядели! Не проконтролировали! Не организовали! Уволю! Посажу! Расстреляю! Без суда и следствия! А тебя – лично!

Слова, словно настоящие пули, пронзили мозг чиновника

и, не убив наповал, засигналили красной лампочкой тревоги и потенциальной смертельной опасности. Ему нестерпимо захотелось бежать, немедленно и куда-нибудь, лишь бы подальше отсюда. Он даже попытался что-то предпринять, но, вяло дрыгнув ножкой, почувствовал, как быстро доселе крепкие ноги стали ватными, как полное лицо, вмиг потерявшее всю ответственность, залилось пунцовым нездоровым румянцем, как по вспотевшей спине побежали гуськом, скользя и толкаясь, трусливые мурашки, а по чёрствому сердцу резануло острое и холодное лезвие ужаса.

– Исправить! – уже спокойно приказал Президент, видя, что его подданный может не дожить до расстрела. – Любой ценой! У меня делегации из других государств. Мало того, что полно туристов и журналистов, но и почтили своим присутствием мои коллеги – Президенты. Что я им покажу? Бардак? Что у меня до того тёмный народ, что отказывается от зрелищ? Что они подумают? Даю час, чтобы исправить ситуацию. Исполняй!

Но исправить ситуацию не получилось, и не только потому, что ответственного чиновника сразил инфаркт, а потому, что не всё подвластно человеку, даже если этот человек очень властен. А ситуация тем временем, с течением этого самого времени, лишь усугублялась всё более наглядным примером полной апатии народа ко всем праздничным, грандиозным мероприятиям. Кульминация апатии пришлась на послеобеденное время.

Когда Президент со своими иностранными коллегами заняли места в VIP-ложе для получения удовольствия от суперзвёздного футбольного матча, то их удивлённым взорам предстали абсолютно пустые трибуны. Вышедшие на поле футболисты и толпившиеся вокруг поля аккредитованные журналисты недоуменно вертели в разные стороны головами и видеокамерами, пытаясь отыскать хоть одного болельщика, который, надрывая голосовые связки, рискнул бы изобразить аншлаг.

Получив, столь сокрушительный штрафной удар по политическим воротам и размочив «репутацию» голкипера, Президент, призвал на помощь всю свою находчивость и изобретательность. Он сделал попытку если уж не отменить, то хоть оправдать коварный и несправедливый гол в свои ворота, заявив, что он ещё вчера дисквалифицировал всех болельщиков за халатное отношение к родному чемпионату. Никто, конечно, этому объяснению не поверил, но и спорить не стали, как, впрочем, и отменять матч. Все профессионалы, понимают – раз деньги уплачены, то хочешь, не хочешь, а будь любезен отработать.

Игроки, так ничего и не поняв, провели полутора часовой спарринг, в котором отрабатывали стандартные ситуации и нагло демонстрировали выпендрёж индивидуального мастерства. Однако предпочтение отдавали совершенствованию техники красивых падений и новым видам мимики при изображении боли.

Судья также веселился вовсю, но карточки, как и положено, раздавал направо и налево. Важные персоны, насмеявшись в первом тайме, второй тайм с удовольствием проспали и остались, в целом, игрой очень довольны.

Ну и последний удар, к которому, надо сказать, Президент уже был готов, хотя отразить всё равно не сумел, был нанесён вечером, когда здание оперы, а также театры, рестораны, бары и площадь, на которой должны были выступать звёзды эстрады, оказались, как и трибуны стадиона, пусты. Такой оказии не случалось даже в тяжкие времена страшных, опустошительных войн, потому что эгоистичное стремление человека к веселью, утехе и получению телесных удовольствий блокирует душевное сопереживание человеческому горю и людским страданиям. И оправдание всегда под рукой – не унывать и с оптимизмом смотреть в будущее. Но в этот раз что-то в сути человеческой природы дало сбой.

Затянувшаяся растерянность среди звёздных скоплений оперы, театра и эстрады вылилась в яростное возмущение многих из них недопустимым поведением толпы, посмевавшей хамски плюнуть в их тонко устроенные и легко ранимые души. Ранимые души в отместку также плевались, ругались не литературными словами и совсем не мелодичными головами, а некоторые, наиболее ранимые, показывали в пустоту неприличные жесты.

И лишь немногие представители культурного «Олимпа», наглядно прочувствовав свою уязвимость и зависимость

от этой самой толпы, спустились со своей лучезарной горы, принесли в многочисленные видеокамеры слёзные извинения, потом с энтузиазмом исполнили свою работу, а причитающийся гонорар перечислили детям, нуждающимся в лечении. Однако всех звёзд затмила оперная труппа во главе с мировым тенором. Они во всю мощь своего таланта выдали на бис пустого зала оперу «Пиковая дама», три раза выходя на сцену для поклона, далее, как и положено, извинились и перечислили деньги, а после этого, уставший тенор Герман, дал интервью-монолог, где усиленно поднимал – лежавшие до этого без чувств – важные жизненно философские вопросы, откровенно вскрывал гнойные язвы человечества, и в частности – культуры и искусства, призывал людей к любви, доброте, гармонии, закончив свою пламенную речь монументальной фразой Бетховена: «Я не знаю иных признаков превосходства, кроме доброты».

А вот последними словами Президента – не совсем, конечно, последними, а только последними перед сном, – измученного физически и морально, были менее возвышенными, но не менее прочувствованными:

– Грозился, грозился и всё-таки наказал! Такой позор! Для меня сегодняшний день стоил десятка лет жизни! Ну, нельзя же так жестоко шутить! Это бесчеловечно! – и вдруг призадумался. – А если эта шутка не закончится одним днём? Он бывает жесток и злопамятен, уж я-то его знаю. Что же, в таком случае, будет дальше?

Но дальше, на радость многим, всё стало на свои места, и жизнь покати́лась, как и прежде – Солнце светило всё ярче и грело всё теплее, а духовный туман сгущался и становился всё плотнее и плотнее, охлаждая души людей всё сильнее и сильнее.

День К. Визит по приглашению

Глава 1

Приближался первый маленький юбилей – 5 годовщина со дня самой необычной и оригинальной попытки масово напугать коррупционеров. Удивительного случая, так и оставшегося до сих пор неразгаданным. Ни один учёный не смог внятно и убедительно доказать ни одну выдвинутую гипотезу, и ни один врач не сумел поставить хоть один мало-мальски научно обоснованный диагноз, удовлетворяющий всех оппонентов и скептиков. Ведь никто из них незнакомца никогда в глаза не видел, а Президент молчал и театрально делал вид, что удивлён не меньше остальных. Но то было вначале.

Тот страшный испуг, который пять лет назад доводил нечистоплотных граждан, с плотно засевшими в душах и головах маниакальными мыслями о деньгах, до инсультов и инфарктов, до истерии и шизофрении, давно прошёл. И хотя ежегодно, утром первого апреля, они, едва проснувшись, первым делом осматривали свои ладони, а потом, умываясь, пристально изучали всю имеющуюся в наличии площадь лба, но того панического страха, который их душил в первый год, уже не было.

Ужасно неприятный инцидент больше не повторялся, а так как об этом и раньше, особенно в высшем руководящем составе, говорить было не принято, ибо считалось неприличным, то вскоре сей реальный случай принял мифические очертания. И если в старину на то, чтобы исторический случай или историческая личность обросли героическими вымыслами, превращая их в седую легенду и миф, уходили столетия, то на сию аномалию понадобилось всего несколько лет, чтобы алчность преодолела инстинкт самосохранения, сделав из кошмарного события сказку и анекдот.

Но самое странное и страшное для человека и государства, это психологическая реакция душевно больного организма на избавление от коррупционных цепей. После ухода массового страха, людьми овладел массовый психоз: размах коррупции стал шире, глубже и крупнее. Чиновники дрожали, но брали и спешили брать, будто опасались, что взятки могут резко закончиться, как хлеб в военное время. А когда, в целях устрашающей рекламы, сажали крупного представителя этого класса, то его окружение, вместо гробового затишья, неистово торопились делать незаконные финансовые накопления, здраво полагая, что бомба в одну воронку два раза не попадает, и до следующего авианалёта есть время. А время – это деньги, которые надо успеть синтезировать из этого времени. Люди умные, но болезнь души затмевает разум, а ум без разума до добра никогда не доводит.

И вот, как только это событие стало мифом, а страх –

лишь неприятным воспоминанием, только тогда праздник стал поистине всенародным и всеми любимым. А когда Президент, узнав от незнакомца о плачевных последствиях эксперимента, который принёс лишь сиюминутную выгоду, но оказался бессилён искоренить вековое зло, в сердцах хотел отменить праздник, то совершенно неожиданно народ воспротивился, проявив несвойственные ему твёрдость, решимость и солидарность.

Однако Президента, на данном этапе политической эволюции, внутренний коррупционный вопрос занимал гораздо меньше, чем неожиданно обострившаяся проблема политико-экономического давления на его президентский суверенитет. Да ещё с подлым использованием нечестных силовых приёмов, в виде военно-промышленного комплекса. И Президент, естественно, комплексовал по этому поводу. Не имея возможности ответить равноценной угрозой, но имея равноценную манию величия, которая своим ярким пламенем подогревала амбиции, а те, по закону термодинамики, расширялись, росли и требовали всё большего внимания всей мировой элиты к своей скромной и доброй персоне, Президент нервничал и сильно переживал. Под персоной, кстати, всегда подразумевалась страна, с чётко очерченными границами, и народ, с чётко выраженной мыслью жить хорошо, а если есть возможность, то ещё намного лучше. Причём, в этом всеобъемлющем стремлении государственные границы для него принимали смутные очертания, а нравственные и вовсе

исчезали.

К великому сожалению и раздражению Президента, играть какую-либо значимую, не говоря уже о ведущей, роль на мировой арене не представлялось возможным – вследствие слабых экономического и военного потенциалов, – а быть всегда на виду и слуху очень хотелось. Причём, – любой ценой, за которой он никогда не стоял, когда дело касалось его, государственной, репутации и иностранных займов, которые Президент готов был брать из всех географических сторон света, не особо заботясь о грядущих последствиях.

Прошло уже почти два года с момента последней встречи Президента с незнакомцем, и ровно год, как он взывал и ждал с тем встречи. Но тот либо не слышал отчаянных воплей, либо попросту их игнорировал, во что верить Президенту не хотелось. Ведь именно он был оскорблён и унижен последней выходкой незнакомца, который мог бы если не извиниться, то хотя бы приободрить. В политической жизни Президенту терпеть обиды приходилось, но он никогда не забывал и втайне мечтал о реванше. Но тут был другой случай. Могущество незнакомца вынуждало Президента прощать тому всё, даже не допуская намёка на мысль о возможной мести. Да и как он смог бы ему отомстить? Это то же самое, что посадить в тюрьму привидение. Поэтому, прощая всё, убеждал себя, что они по-прежнему лучшие друзья, а лучших друзей прощать надо всегда. Правда, хотелось

аналогичной ответной реакции, но... Да, Президент готов с лёгкостью простить и забыть все прошлые обиды, и даже стерпеть будущие, лишь бы тот появился и выручил друга в данный момент. Примерно с такими сумрачными мыслями Президент каждую ночь отходил ко сну.

Глава 2

И вот однажды, в поздний вечер 25 марта, послав очередной мысленный клич, он влез под одеяло и собрался уже погасить свет, как вдруг какой-то шорох заставил его замереть и прислушаться. Сидя на кровати, Президент обвёл комнату взглядом, наполненным надеждой. Никого. Он разочарованно вздохнул. Наверное, послышалось?! Но шорох, напоминающий шелест бумаги, неожиданно повторился. Президент ещё раз, медленнее и тщательнее, прошёлся прищуренным взглядом по спальне. Никого не увидев, но заподозрив неладное, он пошёл на блеф:

– Ну, хватит, я знаю, что ты здесь! Нечего со мной играть в прятки и показывать пустые фокусы!

– Конечно, – непонятно откуда раздался голос со смешком, – только вам, правителям, можно играть с народом и показывать ему свои пустые фокусы.

– Народ любит игры и фокусы, – облегчённо вздохнув, ответил Президент и, отбросив одеяло, сел на кровати. – Да покажись уже!

– Да, – согласился голос, – это нас и спасает. Если бы народ чаще смотрел вверх, а не вокруг в поисках наживы, то увидел бы совершенно другую реальность. И нам бы пришлось туго, друг мой. Дурачить-то зрячих сложнее, чем слепых.

Метафоричную тираду Президент интуитивно воспринял буквально и, задрав голову, посмотрел вверх. На потолке лежал старый знакомый – такой долгожданный – незнакомец и бегло просматривал газету. Президент свесил ноги, сунул их в тапки и, не выказав ни малейшего удивления, задорно спросил:

– Что пишет свободная пресса?

– То же, что и не свободная: всякую чушь, которая, собственно, и отвлекает народ от главного. Пишут всегда то, что выгодно.

После этих слов, незнакомец скомкал газету, сунул её в карман пиджака и исчез.

– Читать это глупо, но весело, – голос раздался со стороны окна.

Президент опустил голову и посмотрел в нужном направлении. Незнакомец сидел в мягком кресле возле журнального столика, на котором в прошлый раз стояла ваза с цветами, а на этот раз – бутылка «Нарзана» и стакан.

– Когда пишутся глупости, это ещё может быть весело, но когда они совершаются в жизни, то становится грустно, – возразил хозяин и стал одеваться.

– Только в частных случаях мелкого масштаба, – парировал гость. – Глупостей же крупного масштаба не бывает. Всё закономерно и целесообразно. Событие может быть ужасным, жестоким и кровопролитным, но не глупым. Оно всегда несёт в себе глубинный смысл. К счастью, редко кто из лю-

дей постигает его до конца. Поэтому, совершать глупости – привилегия исключительно человека. Только он может позволить себе эту роскошь.

– Зачастую эта роскошь дорого ему обходится.

– На то она и роскошь, чтобы дорого обходиться, – ответил незнакомец и улыбнулся. – Чем большая глупость, тем выше цена. И опять-таки, к счастью, самые большие глупости, которые особо ценятся, у вас глупостями не считаются, а уважаются и почитаются. Именно на них основан наш с вами союз.

Президент, не будучи дураком, всё понял, поэтому от неприятной темы решил увильнуть:

– Ты, наверное, был очень занят, раз так долго ко мне не заглядывал? – спросил он, усаживаясь в кресло напротив. И добавил с лёгким упрёком. – Хотя я очень настойчиво звал.

– Да, я слышал, – небрежно ответил гость. – Но я действительно был очень занят. – Сделав паузу, объяснил. – Наносил визиты лидерам крупных религиозных конфессий, с которыми решал по-настоящему серьёзные стратегические вопросы. Уж извини, но, зная тебя, я был уверен, что тебе в голову пришла очередная блажь. Или я не прав?

– Конечно, не прав! – в запале воскликнул Президент. – Дело очень важное! Я бы даже сказал – архиважное! Оно касается всего мира! Всей планеты! Всего земного шара!

– О-о-о, – застонал гость разочарованно, – боюсь, что я

в таком грандиозном деле тебе не помощник. Уж не взыщи.

– Почему? – то ли обиженно, то ли недовольно спросил хозяин, нервно заёрзав в кресле.

Незнакомец пояснил:

– Мне, конечно, лестно, что ты такого высокого мнения о моём могуществе, но вынужден тебя огорчить: я не вершу глобальных вопросов мира. – Затем усмехнулся и добавил. – Как, впрочем, и войны. Я лишь курирую локальную часть социума, его интеллектуальную, культурную и идеологическую составляющие. С некоторым, правда, правом автономии. Я же упоминал в прошлый раз, что у меня, в отличие от тебя, есть хозяин. – Президент не уловил в интонации гостя сарказма, но инстинкт недоверия заставил его подозрительно прищуриться и напрячься. – И хозяин могущественный и грозный. Но скажу тебе по секрету, – незнакомец пододвинулся поближе к собеседнику и перешёл на шёпот, – что даже он, управляя абсолютно всеми процессами, находится под неусыпным и всевидящим оком... Великого Кормчего. Только т-с-с, это между нами.

Незнакомец, несомненно, озорничал, но не на пустом месте. Президент не был наивным человеком, иначе он не стал бы президентом. И если не очень отчётливо, то и далеко не смутно догадывался, что его гость не является верховным иерархом всего сущего. Да и себя, несмотря на все свои скрытые и явные амбиции, он оценивал реально и здраво, гордясь уже тем, что гость, занимая очень ответственный

пост и имея большие полномочия, удостоивал его своим вниманием. Хотя внешне, до конца теща своё самолюбие, и старался держаться с тем на равных.

– Это очень прискорбно, – зашептал в ответ Президент. – Потому что моё дело касается именно войны и мира.

И он намеренно замолчал, желая получить от важной персоны хотя бы намёк благожелательности, чтобы, не слишком унижаясь и не проявляя чрезмерную навязчивость, изложить своё дело. Которое, к слову сказать, ещё не только не было детально разработано, но и мысленно не имело точной формулировки и чётких контуров. Дело носило идейный характер, с уклоном в абстракцию, хотя сам Президент, отъявленный реалист и прагматик, не признавал никаких жизненных абстракций и посторонних обструкций, но и реальный план в голове никак не складывался.

А что касательно идей, особенно сумасбродных, то их у Президента было столько, что ни один счетовод не рискнул бы сосчитать ни их, ни сумм, требующихся на их реализацию. Такие цифры существуют только в астрономии. К счастью для большинства, многие идеи лопались ещё в зародыше, некоторые попросту не приживались, лишь причиняя кратковременную боль окружающей среде, однако и многие воплощались в жизнь, вонзаясь в эту самую жизнь занозой.

Но были и такие идеи, которые, единожды болезненно родившись, причиняли всему естеству Президента нестерпи-

мую боль до тех пор, пока не были им осуществлены. И даже, если в конечном счёте они оказывались бесплодными, то прежней острой боли уже не было, а было лишь досадное и горькое разочарование, которое, впрочем, легко оправдывалось легендарной фразой: «Хотел, как лучше, а получилось, как всегда».

– Ваш мир изначально находится в состоянии постоянной вражды и войны, – холодно сказал гость. – Это стабильное состояние вашего внутреннего эго. Я очень занят, чтобы говорить о подобных пустяках. Но, несмотря на свою занятость и чрезвычайную востребованность, я готов выслушать твою идею, если, конечно, тебе удастся облечь её в словесную, доступную пониманию, форму.

Президент, не готовый к быстрому ответу, засуетился:

– Может, с дорожки рюмку-другую холодной водочки под маринованные грибочки?

– Тоже, естественно, холодные? – поинтересовался незнакомец.

Хозяин, оправдываясь, пожал плечами:

– Всё из холодильника, кухню-то я свою уже отпустил спать. Но если пожелаешь, то я могу сию же секунду...

– Я знаю, что ты можешь, но не надо, – остановил гость гостеприимный порыв хозяина. – Не всегда надо делать то, что можешь, а надо делать то, что необходимо. И не надо слишком злоупотреблять служебным положением. А надо, если желаешь получить от работника максимальный КПД,

чтобы он был не голоден, и хорошо выспавшись. Не те времена. Угнетать надо с умом – не тело, а душу.

– Да-да, конечно, – пролепетал Президент, лавируя в водовороте собственных мыслей.

– Вот поэтому, холод меня радует больше, если он исходит из человеческих душ, даже если при этом страсти человеческие кипят и бушуют. – И вдруг, грустно задумавшись, тихо сказал. – Да и это, сказать по правде, в последнее время меня совсем не радует. Ладно, неси свои холодные яства. Мы их согреем холодной водочкой. Ух, хитёр, пройдоха! С кем я только не встречался и не встречаюсь, но от тебя труднее всего отделаться.

Президент скрытно ухмыльнулся, и очень оперативно и ловко, будто только этим всю жизнь и занимался, сервировал стол. Кроме выше предложенных блюд, ассортимент пополнился икрой, ветчиной и фруктами.

– Надеюсь, ты мне составишь компанию? – вежливо предложил гость бархатным голосом, не терпящим возражений. – А то вдруг твои грибочки, это мухоморы в маринаде серной кислоты?!

– А разве тебе это может повредить? – искренне удивился Президент.

Незнакомец рассмеялся:

– Мне – нет. А вот твоё здоровье может здорово пошатнуться. А вместе с ним и твоё общее состояние с положением.

Президент не остался в долгу и тоже отшутился:

– Здоровье любого человека может пошатнуться в любую минуту, а положение с моим общим состоянием таково, что в любой момент могу пойти по миру.

Но гость эту шутку парировал:

– С таким состоянием можно, не бедствуя, ходить по миру до Страшного суда. Но и ты должен помнить, от чего нельзя зарекаться. Но пугать заранее я тебя не стану. И только потому, чтобы твоё пошатнувшееся здоровье не упало ниже уровня земли, когда положение с твоим состоянием примет агрегатное состояние воды, утекающей в песок, или свойство пара, улетучивающегося в воздух.

Хозяина передёрнуло, и он резко изменил тон и характер беседы, вспомнив, что с таким гостем шутки плохи:

– Не будем тратить время на пустую болтовню, а давай-ка лучше промочим горло и поговорим о серьёзном. И очень важным.

– Ну что же, давай, – с улыбкой согласился незнакомец и потянулся к запотевшему графинчику с водкой.

Глава 3

После того, как старые знакомые выпили и закусили, гость откинулся на спинку кресла и запустил руку во внутренний карман пиджака. Президент горестно вздохнул и, достав из внутренней полки столика пепельницу, поставил её ближе к гостю. Гость хмыкнул и вынул, вместо ожидаемой сигары, стопку аккуратно сложенных документов, которые молча положил перед собою на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.